

ЗАМОК ТАМПЛИЕРОВ

Вадим Кучеренко

12+

Вадим Кучеренко
Замок тамплиеров

«Автор»

2020

Кучеренко В. И.

Замок тамплиеров / В. И. Кучеренко — «Автор», 2020

Встреча с таинственным незнакомцем в Новодевичьем монастыре и неодолимое желание увидеть его вновь превратят жизнь преуспевающей московской журналистки Ульяны Русковой в кошмар наяву. Очень скоро она выяснит, что цель, которую преследует ее новый возлюбленный – уничтожить всех людей, заразив их смертельным вирусом. Влюбленность Ульяны перерастает в ненависть и отчаяние. Ей начинает казаться, что вернуть свою старую жизнь и скрыться от того, кто, как выясняется, даже не человек или просто безумец, невозможно. Ее обвинят в убийстве, будут преследовать по всему миру и убивать всех, кого она любит. Но не случайно саму рыжеволосую зеленоглазую Ульяну многие называют ведьмой. Постепенно она начинает понимать, как ей спасти не только себя, но и все человечество...

© Кучеренко В. И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вадим Кучеренко

Замок тамплиеров

Предисловие

Этим летом в Элбертоне было жарко, как в пекле.

Джон Фридом, менеджер строительной фирмы «Granite Company Ltd», отчаянно потел. Но не потому, что июнь 1979 года в городке Элбертон, расположенном на северо-востоке штата Джорджия, выдался необычайно знойным. Жару умеряли кондиционер, исправно работающий в его кабинете, и «венецианские» жалюзи из множества деревянных планок, опущенные на окна. Джон Фридом был мокрым с головы до ног, потому что отчаянно трусил.

Сам не понимая почему, Джон Фридом испытывал панический ужас перед мужчиной, который сидел напротив него на жестком деревянном стуле с видом полнейшего равнодушия к теме разговора, а в его черных глазах не отражалось и тени эмоций, как будто они смотрели вглубь себя и видели только тьму.

А, тем не менее, речь шла о десятках миллионах долларов. Это был крупнейший заказ в истории «Granite Company Ltd». Но если бы не строгое недвусмысленное распоряжение президента строительной фирмы Николаса Томсона-младшего заключить этот контракт, сам Джон Фридом с радостью отказался бы от баснословных барышей, лишь бы этот чопорный незнакомец навсегда покинул его кабинет, а еще лучше его родной милый городок Элбертон и даже штат Джорджия. И убрался туда, откуда он явился. Джон Фридом охотно допускал, что это была сама преисподняя.

Но пока под взглядом непроницаемых глаз своего клиента Джон Фридом сам вертелся, как грешник на сковороде. Он никак не мог понять, что в действительности хочет этот незнакомец, который рассказал, что является представителем небольшой группы американцев, которые желают воздвигнуть на окраине города Элбертон памятник, задуманный ими как послание будущим поколениям. А еще мужчина потребовал от всех, с кем он общался, принести клятву о неразглашении тайны, угрожая в противном случае разорвать контракт и отсудить у компании неустойку, которая разорит ее. Разумеется, с ним не стали бы даже разговаривать после этого, если бы не сумма контракта, которую, учитывая все обстоятельства, заломил президент строительной фирмы. Она почти в десять раз превышала их обычные расценки. Но незнакомец даже глазом не моргнул, согласно кивнув. Радуюсь удачной сделке, Николас Томсон-младший забыл все свои опасения. Он передал все дальнейшие дела, связанные с переговорами по будущему строительству, менеджеру компании Джону Фридому, а сам быстренько убрался восвояси.

– Умыл руки, – обиженно буркнул Джон Фридом, вертя в руках визитную карточку нового клиента, на которой готическим шрифтом было отпечатано только «Angelo Messi». Он почему-то все время забывал его имя, а потому иногда во время разговора заглядывал в карточку, чтобы освежить свою память, которая, кстати, раньше ни разу его не подводила в подобных случаях.

– Что, простите? – переспросил его собеседник, думая, что менеджер обращается к нему.

Но Джон Фридом быстро нашелся, сказав:

– Я спрашиваю, точно ли вы хотите, чтобы мы выбили на вашем памятнике надписи на четырех древних и восьми современных языках?

– Да, – кивком головы подтвердил мужчина. – На аккадском, классическом греческом, санскрите и древнеегипетском надо будет выгравировать на каждой из сторон верхней плиты фразу «Да послужат сии скрижали заветом Веку Разума». А на вертикальные плиты нанести надписи на английском, русском, китайском, арабском, иврите, суахили, испанском и хинди.

Это заповеди человечеству для гармоничного развития в постапокалиптическую эру. Всего их будет десять.

Анжело Мессе говорил сухо, без малейшего признака улыбки на лице, только поэтому Джон Фридом не воспринял его слова как шутку. Тем не менее, он, не удержавшись, спросил о том, что его действительно интересовало, и что он искренне не понимал:

– А зачем?

Мужчина поднял на него черные глаза, и Джон Фридом ощутил внезапную дрожь во всем своем огромном мускулистом теле, которое сейчас больше походило на мягкое желе. Он боялся, когда незнакомец смотрел ему в глаза. В эти мгновения он чувствовал, что как будто чья-то чужая воля пытается завладеть его разумом и подчинить себе.

Впрочем, когда мужчина отворачивался, Джон Фридом испытывал не меньший страх. В профиль Анжело Мессе напоминал хищную птицу, а по его густым жгуче-черным волосам иногда словно пробежал электрический разряд, искря и потрескивая. Разумом Джон Фридом понимал, что это ему только чудится, вероятнее всего, от жары, от которой буквально плавится мозг, но легче от этого не становилось.

– Не утруждайте себя, вы не поймете, – после томительной паузы все-таки ответил Анжело Мессе, словно решив снизить до своего собеседника. – Это послание адресовано будущим поколениям землян.

– Нашим потомкам? – переспросил Джон Фридом, сам понимая, насколько глупо звучит его вопрос.

– Нашим потомкам, – делая акцент на слове «нашим», ответил мужчина. И Джону Фридому показалось, что в его голосе прозвучала насмешка. Но этого не могло быть, потому что незнакомец, по всей видимости, страдал каким-то странным заболеванием, лишившим его лицо способности выражать какие-либо эмоции.

Джон Фридом еще раз взглянул на чертежи, лежавшие перед ним на столе. Будущий памятник представлял собой четыре гигантских плиты с необработанными краями, установленные вокруг центральной плиты, а еще одна плита была расположена поверх них, венчая это гигантское гранитное сооружение высотой более шести метров и общей массой около ста тонн, вдобавок ко всему испещренное надписями на различных языках.

Джон Фридом сумел прочитать одну из этих надписей и поразился еще больше. Она гласила: «Поддерживайте численность населения Земли в пределах 500 000 000 человек, чтобы не нарушалось равновесие с природой». С его точки зрения, это был какой-то бред, лишенный смысла. Он сам был счастливым отцом двух детей, и вовсе не собирался ограничиваться этим, поскольку в скором времени его любимая жена Маргарет должна была разрешиться от бремени еще одним сыном. Кроме того, он прекрасно знал, что численность населения Земли приблизилась к пяти миллиардам человек. И снизить ее до какого-то жалкого полумиллиарда могли бы только ядерная мировая война, глобальная эпидемия или некий вселенский катаклизм, например, метеорит, упавший из космоса на планету, наподобие того, что в свое время уничтожил динозавров. Но люди – не динозавры, их так просто не смести с лица Земли. Или Анжело Мессе и его сотоварищи думают по-другому?

Но Джон Фридом не успел задать этот вопрос клиенту, потому что тот неожиданно предложил:

– А почему бы нам с вами, мистер Фридом, не прогуляться к тому месту, где будет установлен монумент?

Джон Фридом так никогда и не смог понять, почему он безропотно согласился на это предложение Анжело Мессе, которое в этот знойный июньский полдень выглядело как приглашение на добровольное аутодафе.

Но уже через несколько минут они, выехав из города, тряслись в его стареньком «Форде» по каменистой дороге, то спускаясь, то поднимаясь на многочисленные зеленые холмы, опо-

ясывающие Элбертон. Как заявил Анжело Месси, монумент непременно должен быть воздвигнут на вершине холма, поскольку в центральной плите на уровне глаз имеется круглое отверстие, ориентированное на Полярную звезду, а также прорезь, сделанная в соответствии с положением солнца в периоды солнцестояний и равноденствий.

– А верхняя плита служит своеобразным астрономическим календарем, – снисходительно пояснил он Джону Фридому. – В ней есть отверстие, через которое в полдень проникает солнечный свет и, попадая лучом на центральную скрижаль, указывает день года.

Джон Фридом слушал, молча кивая головой и чувствуя, что почти засыпает под монотонный голос мужчины. Он плохо спал предыдущую ночь, его мучили кошмарные сновидения, а какие именно, он, пробудившись, так и не смог отчетливо вспомнить. Кажется, в одном из них какая-то огромная хищная птица кружила над их с Маргарет домом и нападала на каждого, кто приближался к нему или пытался выйти. Что-то подобное он видел в одном из фильмов ужасов Альфреда Хичкока, но тогда это его не так напугало, как собственный сон.

Анжело Месси, который замечал все, несмотря на свой равнодушный вид, увидев, что его провожатый зеваает, безучастно спросил:

– Вы знаете, что существует наука, изучающая сновидения? Ее называют онейрология.

– Впервые слышу, – буркнул Джон Фридом. Его раздражал голос незнакомца, ровный, как будто неживой.

– Так вот, ученые подсчитали, что если в среднем человек живет семьдесят лет, то почти треть его жизни уходит на сон, – словно не замечая, что Джон Фридом не жаждет вступать с ним в разговор, продолжал мужчина. – Из этих двадцати трех лет почти пятнадцать скрыто во тьме сознания. И только восемь лет человек видит сны.

– Да что вы говорите, – пробормотал Джон Фридом, чтобы не показаться невежливым. В конце концов, человек, желающий заключить с их строительной компанией контракт на миллионы долларов, имеет право хотя бы на видимость внимания.

– С древних времен считалось, что сновидения – это зашифрованные сообщения, которые человеку посылаются из другого мира...

Безжизненный голос убаюкивал Джона Фридома, едва доходя до его сознания, подобно шуму струящейся в реке воды.

– Но чтобы понять, о чем идет речь, эти зашифрованные сообщения надо разгадать...

«Форд», наехавший колесом на камень, резко тряхнуло, а вместе с ним и громадное, расплывшееся по сиденью тело Джона Фридома. И он отчетливо услышал:

– По моему мнению, лишь незнание языка мешает вам, людям, понять эти послания...

Но Джону Фридому показалось, что он ослышался, и он снова впал в легкую дрему, сквозь которую пробивался шелест слов Анжело Месси.

– Возможно, только страх перед неизвестным мешает людям изучить этот язык, а затем наладить контакты с другим, чуждым, как им кажется, миром...

Позже, пытаясь восстановить в памяти, о чем он говорил с Анжело Месси несколько долгих часов, которые они колесили на его «Форде» по окрестным холмам, Джон Фридом так и не сумел припомнить ни одной фразы. По прошествии недолгого времени ему уже начало казаться, что они промолчали всю дорогу. А через несколько лет он не мог вспомнить даже имени клиента, благодаря которому «Granite Company Ltd» сумела заработать миллионы долларов, после чего выплатила своему менеджеру щедрую премию, благодаря которой Джону Фридому удалось купить новый большой дом, так необходимый ему после рождения еще одного ребенка. Да это и не удивительно, потому что после нескольких встреч с руководством строительной компании таинственный Анжело Месси из городка Элбертон уехал, и с тех пор его здесь уже никогда не видели.

Глава 1

Ульяне снилось, что она идет залитой солнцем долиной, по цветущим алым макам. Небо прозрачно, словно родниковая вода. Цветы поднимают свои огненные головки из густой сочной зеленой травы, приятно ласкающей ее обнаженные ноги. При каждом ее шаге из зарослей вспархивают жаворонки и овсянки, самозабвенно воспевая радость жизни и красоту природы. Ульяна не одна, рядом с ней мальчик лет трех, до удивления похожий на нее, с такими же золотисто-рыжими волосами и темно-изумрудными глазами. Она держит его за руку, ощущая благодатное тепло крохотной ладошки. Чувство безмерного, безграничного счастья владеет всем ее существом.

Внезапно небо потемнело, его заволокло грозowymi тучами, повеяло промозглым ледяным холодом. Стихли все звуки, как это бывает перед бурей. А затем в этой неестественной тишине раздался злобный клекот. Ульяна подняла голову и увидела разъяренную хищную птицу, которая стремительно пикировала на нее из темного поднебесья. Ее черные перья искрились, звуки, которые тварь издавала, вселяли ужас. Ульяна в страхе невольно прикрыла лицо руками. А когда, услышав отдаляющийся шум крыльев, опустила руки, ребенка рядом с ней уже не было. Пропали и ярко-красные маки. Вместо них все поле поросло темно-желтыми лютиками. Ульяна машинально сорвала цветок, и одна из капель пахнущего горечью сока попала на ее руку. Она вскрикнула от боли...

И проснулась от собственного крика, еще чувствуя, как ядовитая капля с шипением прожигает ее кожу, проникая в кровь.

В полусонном сознании еще успела промелькнуть паническая мысль: «Где мой сын?!». Но сновидение, словно искра, погасло, и мысль эта тут же забылась, не оставив по себе никакой памяти в том реальном мире, где у Ульяны Русковой никогда не было детей.

Тем не менее, как это часто бывало в последнее время, она проснулась с ощущением глухой тоски по чему-то неизведанному и несбывшемуся в ее жизни.

Иногда, подчиняясь снедающему ее неукротимому желанию всему на свете дать имя, Ульяна называла это состояние подступающей депрессией. Многие ее одинокие подруги страдали от этого психического расстройства. Они испытывали постоянную усталость, не интересовались тем, что еще недавно приносило им радость, были равнодушны к окружающим их людям. Но Ульяна не хотела пополнить ряды этой потерпевшей поражение в битве с жизнью армии. Поэтому каждое утро она начинала с фламенко. Средство было радикальным, но действенным.

Квартирка, в которой Ульяна проживала, состояла из крохотной кухни и комнаты. Добрую треть комнаты занимала массивная кровать, украшенная балдахином, напоминавшим о королевской роскоши старинных замков Испании. Впрочем, весь интерьер ее скромного жилища был выполнен в испанском стиле, который не терпел, как и сама Ульяна, минимализма. Поэтому стены украшали гобелены на темы, навеянные фламенко, а пол устилал роскошный пестрый ковер, который как нельзя лучше подчеркивал национальный колорит. На этом ковре прочно стояли большой мягкий диван и не менее громоздкие стол и стулья. Для самой Ульяны было оставлено только небольшое пространство в самом центре комнаты, которое она также использовала во славу родины Дон Кихота и Санчо Пансы.

В это утро, ведомая слепым, но могучим инстинктом выживания, заложенным в нее самой природой уже при ее рождении, еще полусонная Ульяна встала с кровати, дошла, спотыкаясь, до окна и плотнее задернула тяжелые шторы. Ее беспокоили не солнечные лучи, а нескромные взгляды, которые могли проникнуть в ее девичью келью из окон соседнего дома, также начинавшего просыпаться. Несмотря на то, что она жила на последнем этаже, эту предосторожность Ульяна соблюдала неукоснительно. Сама она, в силу природного любопытства,

любила наблюдать за другими людьми, но в свою личную жизнь предпочитала никого не впускать.

Затем Ульяна прошла в ванную комнату, где, старательно отводя взгляд от зеркала, чтобы ненароком не увидеть своего отражения и не опечалиться преждевременными морщинками и тенями под глазами, разделась догола. Скинув пижаму, она умылась и почистила зубы. Насухо вытерлась жестким махровым полотенцем и, не обременяя себя одеждой, вернулась в комнату. Отыскав дистанционный пульт управления, она включила музыкальный центр и замерла в ожидании первых тактов мелодии.

Ожидаемо неожиданно и резко зазвучали переборы испанской гитары. Это был ее любимый Пако де Лусия, один из самых известных в мире исполнителей фламенко. Несмотря на то, что изучать нотную грамоту он начал лишь в возрасте сорока четырех лет, Пако де Лусия обладал, по мнению Ульяны, не только музыкальным вкусом и бесспорным талантом интерпретатора фламенко, но и виртуозной техникой исполнения. А, может быть, он ей просто нравился, как мужчина. Как бы то ни было, Ульяна предпочитала танцевать по утрам фламенко под его музыку.

Ульяна гордо вскинула голову, пальцы ее высоко поднятых и изогнутых рук затрепетали, легкая дрожь спустилась ниже, прошла по ее упругим грудям, достигла округлых бедер, волнуяще и призывно заколыхавшихся, словно морские волны. Она сделала несколько шагов по комнате, то сильно притопывая, то ступая мягко, словно дикая кошка, вышедшая на охоту. Это был танец «Севильяна», который зародился в испанском городе Севилья еще в пятнадцатом веке. Возможно, не совсем подходящий для исполнителя «чистого фламенко» Пако де Лусия, но Ульяна любила сочетать несочетаемое. И, во всяком случае, он не требовал применения кастаньет, на поиски которых Ульяна могла потратить все это утро. Такое с ней тоже случалось. Она так и не приобрела привычки, сколько ни обещала себе, отводить каждой вещи свое раз и навсегда определенное место.

Самозабвенно танцуя, она чувствовала, как радость жизни постепенно возвращается к ней. Ульяна снова начинала себя любить и восхищаться собой.

Рыжеволосая, тоненькая и изящная, она мало походила на классический образ танцовщицы фламенко, это было все равно, что сравнивать солнечное утро с полуночью. Но не это беспокоило Ульяну сейчас. Ее волновала мысль, сумела ли бы она перетанцевать ту легендарную восьмидесятилетнюю исполнительницу фламенко, которая привела однажды в неописуемый восторг самого Федерико Гарсиа Лорку.

Несколько лет назад Ульяна прочитала об этом в одной из его книг. Гениальный испанский поэт еще многие годы спустя вспоминал, что на танцевальном конкурсе в Хересе-де-ла-Фронтера какая-то старуха буквально вырвала первый приз у юных красавиц с кипучим, как вода, телом, покоровив зрителей тем, как она вздымала руки, закидывала голову и била каблуком по подмосткам.

Эта призрачная старуха была вечным соперником Ульяны и ее живым укором. Утешала ее только мысль, что вздумай ее соперница обнажиться, то пальма первенства непременно досталась бы ей, Ульяне. Возможно, именно поэтому она предпочитала танцевать голой, несмотря на то, что сшила себе на заказ у портнихи несколько замечательных платьев для фламенко, среди которых было и классическое черно-красное, и в голубой горошек, и в ажурных кружевах искусной ручной работы. Но мысль, что это был не совсем честный прием в единоборстве со старухой, не оставляла ее. Ульяна никогда не одобряла Макиавелли, считавшего, что для достижения цели хороши все средства.

Чтобы отвлечь себя от этой досадно жужжащей в ее голове, словно назойливый комар, мысли, Ульяна начала вслух отрывисто произносить в такт мелодии строки ее любимого с недавних пор стихотворения. Она написала его сама в одну из бессонных ночей, устав страдать

от своего одиночества. Называлось стихотворение «Влюбленная в красном», и было напрямую обращено к Федерико Гарсиа Лорке.

Как жаль, что меня ты не видел
В моём новом платье красном...
В словах моих мало смысла?
В любви моей много страсти?

Последнюю строку Ульяна произнесла с нескрываемым возмущением и, забыв, что она босиком, сердито топнула ногой так, что стало больно пятке. Поэтому следующие строки она почти прокричала, чтобы заглушить боль.

Ты думал так и поверил,
Что мою разгадал загадку...

Несколько строф она пропустила нарочно, так как ей очень нравились идущие за ними два четверостишия, несмотря на то, что они были надуманными и выдавали желаемое за действительность. Когда Ульяна их произносила, ее голос трепетал, подобно кончикам пальцев, высоко поднятых над головой.

Но я назло всем стихиям
Вихрем влетела в счастье,
В высотах небесно-синих
Воскресла вдруг в одночасье.

Лавиной безмерная радость.
Весна в мою душу вселилась.
И силою стала вдруг слабость.
Наверно, я просто влюбилась!

Ульяна взмахнула руками, словно крыльями, по всем канонам жанра фламенко в мгновение ока из голубки снова превратилась в фурию, ее темно-изумрудные глаза сверкнули, и она торжествующе закончила:

Ты так ничего и не понял,
Всё ждал неземной сказки.
Как жаль, что меня ты не видел
В моём новом платье красном!

Музыка и Ульяна смолкли одновременно. Она чувствовала себя превосходно, ощущая прилив жизненных сил. Танец фламенко был для нее лучшим средством привести себя в боевую готовность утром, какую бы ночь накануне она не пережила.

– В конце концов, мне нет и двадцати пяти, – стоя под прохладной струей воды, поставила очередную точку в бесконечном споре с самой собой уже в ванной Ульяна. – И мой Федерико Гарсиа Лорка еще впереди. А он пусть остается со своей старухой!

Это было разумное решение, впрочем, как и всякое другое, которое принимала Ульяна, благополучно забывая о нем уже на следующий день.

Выйдя из ванной, она накинула на себя легкий шелковый халатик, который ничего не скрывал, а только выгодно подчеркивал, и пошла на кухню, одновременно служившую ей каби-

нетом. Для начала она заварила кофе, щедро плеснув в него молока. Ульяна знала, что это любимый большинством испанцев напиток, и поглощают они его в течение всего дня, причем наливают в стаканы. Но сама она пила этот кофе только по утрам и в своей любимой, расписанной китайскими драконами, фарфоровой чашке с изогнутой ручкой, за которую было удобно держаться. Поступала она так не только из свойственного ей чувства противоречия. Стакан обжигал ей пальцы. А по вечерам она предпочитала зеленый чай, который, в отличие от кофе, ее успокаивал, заменяя снотворное.

Налив кофе в чашку, и периодически из нее отхлебывая, Ульяна, не глядя, отработанным годами движением открыла ноутбук, лежавший на широком подоконнике, заменявшем ей письменный стол. Безмятежное утро закончилось. Пришло время узнать, как мир прожил без нее минувшую ночь и какие сюрпризы он для нее приготовил.

Ульяна была журналисткой, причем не только по образованию, но и по призванию. В свое время она окончила Московский государственный университет, а последние годы работала в одной из крупнейших газет Москвы специальным корреспондентом. И новости были если не ее хлебом в буквальном смысле этого слова, то, несомненно, источником, без которого стал бы невозможным привычный образ жизни. А если отбросить все случайные штрихи, то он Ульяне нравился, и другой жизни для себя она не желала.

Глава 2

Главным достоинством своей крохотной кухни Ульяна считала то, что, сидя за ноутбуком у подоконника, она могла дотянуться до любого шкафчика и даже до дверцы холодильника, стоявшего в дальнем углу. Еще одним преимуществом был вид из окна. Окно кухни выходило во двор, в котором росли несколько чахлах кустов и два-три хилых, почти карликовых деревца. Но все же это была природа, а не опостылевший городской пейзаж с бесконечными унылыми потоками автомобилей и людей.

Полюбовавшись на деревья и кусты, которые в это утро старательно обходил выгуливающий хозяина длинноухий спаниель, обнюхивая их и часто поднимая заднюю лапу, чтобы пометить, Ульяна перевела взгляд на призывно мерцающий экран ноутбука.

Новости в это утро были на удивление однообразны. Экономический кризис, который, казалось, не утихал с тех самых пор, как Карл Маркс написал свой «Капитал», скачки курса национальных валют, покорных вассалов доллара, локальные военные конфликты, подобные синице из детского стишка, грозившей поджечь море... Ульяна невольно зевнула, тем самым выразив свое отношение к работе мировых информационных агентств.

– И чем прикажете девушке зарабатывать себе на жизнь? – недовольно пробормотала она. – Сменить профессию на первую древнейшую? Но прежде хотелось бы знать, что я выгадаю, уйдя на панель!

Она разговаривала сама с собой, а ее взгляд в это время машинально пробежал по торопливо бегущим по экрану ноутбука строчкам, анонсирующим новостные заголовки. Но ни на чем не задерживался. Ульяна уже почти ни на что не надеялась, когда один из заголовков привлек ее внимание. Он гласил: «Перенаселение – главная причина изменения климата планеты».

– Кто бы мог подумать! – наигранно поразила Ульяна. – А ведь это еще я не внесла свою лепту в дело разрушения окружающей среды. А что? Вот возьму и рожу себе ребеночка. Всем борцам с перенаселением планеты назло.

Но других аргументов в пользу нежданного младенца не находилось, и Ульяна не стала развивать эту мысль, по своему обыкновению постепенно доводя ее до абсурда. Вместо этого она продолжила чтение статьи, которая с каждой строкой заинтересовывала ее все больше.

Автор статьи, некий советник по науке президента одной из крупнейших стран мира, увлеченно рассуждал о повсеместном внедрении программы по стерилизации женщин после рождения ими второго или третьего ребёнка. По его мнению, это было намного проще, чем пытаться стерилизовать мужчин.

– Типично мужской взгляд на проблему, – с презрением произнесла Ульяна. – Очередное подтверждение истины, что все мужчины...

Но она не закончила фразу, так как именно в этот момент дошла до того места в статье, где ученый муж многословно рассуждал о том, что разработка «капсулы продолжительной стерилизации», которую можно было бы вшить под кожу женщины и удалить, когда беременность желательна, «открывает дополнительные возможности для принудительного регулирования рождаемости».

– Ну и мерзкий же тип! – возмущенно воскликнула Ульяна. – Надеюсь, что его жена каждый день наставляет ему рога с разносчиком пиццы. Лично я с удовольствием вышла бы за него замуж именно с этой целью!

Но ее терпение иссякло окончательно, когда советник президента предложил вшивать подобную капсулу женщине уже в самом начале периода половой зрелости и изымать ее только по официальному разрешению властей.

– Ну, уж нет, – едва сдерживая клокотавший в ней гнев, решительно заявила Ульяна, открывая файл в папке, куда она имела обыкновение складывать статьи, которые она писала для своей газеты. – Только через мой труп. Но прежде я спляшу фанданго на трупе моего врага!

Само собой подразумевалось, что с этой минуты не известный ей ранее советник президента, допустивший столь опрометчивые необдуманные высказывания, становился личным врагом Ульяны Русковой. И он должен был об этом пожалеть уже в самое ближайшее время.

Но месть пришлось отложить. Не успела Ульяна напечатать первую букву своего будущего памфлета, как в дверь ее квартиры позвонили. Звонок звенел долго и настойчиво, мешая сосредоточиться и войти в состояние, необходимое для написания статьи. Затем раздался громкий частый стук. Незванный гость самозабвенно колотил по двери, сочтя, что звонка недостаточно. Если исключить разгневанных соседей снизу, которых Ульяна иногда заливала водой из неожиданно начинающего течь крана, то решиться на такое мог только один человек в мире. Звали его Мила, и она была единственным живым существом на планете, ради которого Ульяна могла пренебречь своей работой. Статус лучшей подруги давал Миле право врваться в тихое жилище Ульяны в любое время дня и ночи.

Ульяна открыла дверь и сразу поняла, что Мила была сильно навеселе, и это в девять часов утра. По всей видимости, Мила даже не ложилась спать в эту ночь. В руке она держала пузатую бутылку со светло-желтой жидкостью, которую увенчивала золотая пробка.

– Текила, – важно произнесла Мила, глядя на подругу ласковыми голубыми глазами, которые почти скрывали ее густые темно-каштановые волосы, мягкими волнами падавшие на лицо. – Напиток богов.

Роста Мила была небольшого, поэтому бутылка из толстого граненого стекла в ее крошечной ручке выглядела огромной. Оставалось только удивляться, как вообще Миле удалось донести ее. Но Ульяна ничего не сказала, лишь молча кивнула, приглашая подругу зайти.

– У тебя есть лимоны? – спросила Мила, проходя в комнату и почти падая на диван, в мягкой бездне которого она сразу же утонула, виднелась только голова с растрепанной прической. – Потому что пить лимоны... То есть, я хотела сказать, пить текилу без лимона – это... Это преступление против человечества!

– Ты сама дошла до этой мысли? – скептически отозвалась Ульяна. – Или кто-то подсказал? Сдается мне, что верно последнее.

– Ну, и что с того? Да, его звали Хуан... Или Хулио... Впрочем, уже не помню, – вздохнула Мила. – А жаль! Такой был мужчина... Настоящий мексиканский мачо... И такой галантный! Вызвал мне утром такси, представляешь? И отправил домой, взяв с меня обещание... А вот какое, я уже и не помню. Как ты думаешь, Уля, что я могла ему наобещать спяну?

– Все, что угодно, – мрачно произнесла Ульяна.

Она всегда осуждала неразборчивые любовные похождения подруги, и не скрывала этого. Героев своих скоротечных романов Мила находила, как правило, в дорогих ресторанах или модных ночных клубах, которые могла позволить себе посещать, поскольку была единственной дочерью чрезвычайно богатого человека, имеющего отношение к нефтяной отрасли. Большую часть своей жизни отец Милы проводил за границей, даже не догадываясь о том, что его дочь тем временем пускается во все тяжкие в Москве. Далеко не всегда новые знакомые Милы оказывались рыцарями без страха и упрека, поэтому ее похождения порой заканчивались слезами и горьким раскаянием. Но жизнь ничему не учила Милу, и она снова и снова наступала на те же самые грабли. Такого понятия как жизненный опыт для нее не существовало.

– На мой взгляд, на этот раз ты превзошла себя и выпила значительно больше своей обычной нормы.

– А все почему? – спросила Мила и, не дожидаясь, пока подруга назовет ее легкомысленной особой, сама же ответила: – Потому что я доверчивая. Поддалась на заверения, что

текила – это не крепкий алкогольный напиток, а целебный настой. Можно сказать, лекарство, полученное путём дистилляции ферментированного сока голубой агавы.

Как ей удалось запомнить и произнести такие мудреные слова, как «дистилляция» и «ферментированного», для Ульяны осталось загадкой. Возможно, Мила повторяла их всю минувшую ночь, чтобы поразить подругу. Она была на такое способна.

– А ты знаешь, что агавы для Мексики все равно, что береза для России? – глядя на Ульяну невинными глазами, спросила Мила. – Но наша российская березка дает только березовый сок, а вот агавы...

– Считается текилой? – ехидно спросила Ульяна. – Которую мексиканцы сразу разливают по бутылкам?

– И вовсе нет, – обиделась Мила. – В Мексике существует даже легенда о том, как однажды молния, попав в агаву, расколола ее пополам. Сердцевина растения запеклась, а через какое-то время из-под корки стал вытекать забродивший сок. Его благоуханный аромат вскоре ощутили местные жители. Отведав этот сок, они посчитали его даром богов. И в дальнейшем начали добывать из агавы самостоятельно, уже не впуская в это дело высшие силы.

– Очень разумно, – одобрила Ульяна. – Как говорят у нас в России, на бога надейся, а сам не плошай.

– Так мы будем пить эту проклятую текилу или нет? – окончательно разобиделась Мила.

– Нет, – коротко отрезала Ульяна.

– Почему? – с нескрываемым удивлением воззрилась на нее Мила.

– Лимонов нет, – невольно улыбнулась Ульяна. В настоящую минуту любые другие разумные доводы для ее подружки были бы подобны гласу вопиющего в пустыне.

– Это верно, – важно кивнула Мила. – Вот и Хулио мне говорил... Или все-таки его звали Хуан? Ты не помнишь случайно, как я его назвала, когда пришла?

– Педро, – хмыкнула Ульяна.

– Разве? – с сомнением спросила Мила. Вероятно, она уже начала трезветь.

– Всех истинных мексиканцев зовут Педро, – заверила ее Ульяна. – Ведь он же настоящий уроженец Мексики?

– Кажется, – неуверенно ответила Мила. – Во всяком случае, так он утверждал.

– И это объясняет, почему твой новый друг так много знает о текиле. Кстати, он не говорил, что является прямым потомком капитана испанского судна Христофора де Окате? Того самого, который в шестнадцатом веке основал в Мексике город Текила.

Мила сумела расслышать в тоне подружки иронию, и с неожиданной грустью произнесла:

– Не осуждай меня, Ульяна. Я сама понимаю, что так девицы из благородных семей себя не ведут. Все, что было этой ночью, всего лишь очередная ошибка молодости. Надеюсь, мой будущий избранник поймет меня и простит. Если только я не забеременею... Ой!

Глаза Милы округлились до невероятных размеров. В них появился ужас.

– Не могла же я забыть принять противозачаточную таблетку? – жалостливо спросила она. – Особенно после того, как он сказал, что доверяет мне, а я должна доверять ему.

– А ты не помнишь?

– Не могу вспомнить, как ни пытаюсь, – вздохнула Мила.

Она была немного старше Ульяны, но одна только мысль о рождении ребенка все еще приводила ее в паническое состояние. Возможно, именно поэтому она и не выходила замуж, несмотря на то, что претендентов на ее руку и сердце было великое множество. Эта крошечная, похожая на миниатюрную статуэтку, женщина умела внушать мужчинам неукротимое желание опекать ее днем и ночью.

Неожиданно Мила всхлипнула. Ульяна недоуменно посмотрела на нее.

– А вдруг я забеременею? – трагическим голосом произнесла Мила, запинаясь от страха. – Ты же знаешь, как я к этому отношусь... Мне придется избавиться... Но ведь это грех... Все равно что убить... Уля, я боюсь!

Ульяна знала, что ее подруга носила золотой крестик и часто ходила в церковь, как она сама говорила, замаливать свои грехи. После чего, облегчив душу, подобно тому, как днище корабля очищают от налипших ракушек, она самозабвенно грешила снова. Но, видимо, был предел и в христианском всепрощении грешников, и даже Мила это понимала. Ульяна не знала, что сказать подруге, чем ее утешить.

Внезапно со стороны дивана послышалось мирное, почти детское, посапывание. Не дождавшись ответа, Мила заснула, прижимая к груди бутылку с текилой. Только что пережитая тревога окончательно подкосила ее. Глядя на свою беспутную подругу, Ульяна неожиданно почувствовала, как в ее голове зашевелился червь сомнения.

– А, может быть, этот ученый муж не так уж и не прав? – задумчиво произнесла она вслух. – Для некоторых женщин эти так называемые капсулы продолжительной стерилизации могут быть даже благом. Взять, к примеру, Милу...

Но додумывать эту мысль, которая еще полчаса назад показалась бы ей кощунственной, она не стала. Иногда Ульяна предпочитала о чем-то не думать, чтобы ненароком не дать предмету своих размышлений имени и тем самым не даровать ему жизнь. Подобное нередко случалось в восточных сказках, которые она любила читать ребенком. Детство давно прошло, а страх вызвать из небытия и оживить случайным словом какое-нибудь ужасное чудовище остался.

Она накрыла спящую подругу большим цветастым платком, при этом взяв у нее из рук бутылку текилы, которую отнесла на кухню и постаралась спрятать так, чтобы Мила ее ненароком не нашла. Та должна была проспять несколько часов и проснуться с дикой головной болью, неизменно терзающей ее после ночных походов. Поэтому Ульяна оставила для нее на прикроватной тумбочке пачку таблеток и стакан с минеральной водой без газа.

Все, что произошло этим утром, было уже не в первый раз. Ульяна знала, что когда Мила проснется, она покорно примет таблетки, дождется, пока головная боль стихнет, и уйдет, не забыв закрыть за собой дверь ключом, который однажды вручила ей хозяйка квартиры и который она до сих пор умудрилась не потерять. И то, что она не потеряла ключ, говорило очень о многом. Мила, как и сама Ульяна, дорожила их дружбой. Они были слишком разные, очень непохожие, и, тем не менее, не могли обходиться друг без друга, испытывая удивительное чувство привязанности, близости и любви, словно встретившие свою вторую половину мифологические андрогины, которых некогда описал Платон...

Дойдя в своих размышлениях до древнегреческого философа, Ульяна поняла, что она слишком увлеклась, и ей уже пора возвращаться из мира фантазий в реальную жизнь. Причем поспешить с этим, поскольку после бессвязных слов Милы о грехе, связанном с избавлением от ребенка, у нее появилась идея, имеющая отношение к ее будущей статье. Это был новый, чрезвычайно интересный поворот темы, но чтобы быть уверенной, что она не собьется с пути, пойдя по нему, ей следовало уже через полчаса оказаться в Новодевичьем монастыре. Если, конечно, она собиралась сегодня добраться до редакции своей газеты раньше, чем наступит время обеда, от которого совсем недалеко до официального окончания рабочего дня, когда можно будет уже никуда и не торопиться.

Новодевичий монастырь в данном случае имел то преимущество, что ближе всех остальных находился к дому, в котором Ульяна жила.

Глава 3

Поскольку ей предстояло посетить монастырь, то оделась Ульяна с подобающей скромностью. Вместо открывающего плечи, грудь и ноги сарафана, который был наиболее удобен в летнюю жару, она выбрала костюм из хлопка. Блузу полуприлегающего силуэта и удлиненную юбку украшал черно-белый орнамент. Это произведение отечественного портновского искусства Ульяна купила недавно на распродаже только потому, что было недорого, и она давно не радовалась подарками. Но сейчас оно пришлось весьма кстати.

– Просто, незатейливо и почти со вкусом, – грустно констатировала Ульяна, рассматривая себя в зеркале, висевшем в прихожей.

Она едва не забыла платок на голову, который был обязателен в том случае, если бы ей пришлось зайти в храм. Но уже не стала примерять, а взяла первый, который попался под руку, с крупными темными цветками по красному полю, и положила его в сумочку. Вихрем спустилась по лестнице вниз и быстрым шагом направилась в сторону станции метро.

С точки зрения Ульяны, метрополитен был самым быстрым и одновременно самым утомительным видом общественного транспорта. Не говоря уже о том, что метро пугало ее. Она всегда с некоторым душевным содроганием спускалась под землю, а выходила на поверхность с таким чувством, как будто только что избежала опасности быть заживо погребенной в громадном мраморном склепе вместе с тысячами других людей. Утверждение, что на миру и смерть красна, не утешало ее. Она по-другому представляла себе место своего последнего упокоения. Ее должны были похоронить не на станции московского метро, и даже не на унылом городском кладбище, а, например, на территории древнего Святогорского монастыря, у стен Успенского собора, рядом с могилой Александра Сергеевича Пушкина. А, главное, это должно было произойти спустя много долгих лет прекрасно прожитой жизни, а не в самом расцвете жизненных сил. С метро же у нее такой уверенности не было.

Поэтому, войдя в вагон, в ожидании необходимой ей станции метро Спортивная, Ульяна, присев на скамью и закрыв глаза, стала вспоминать, когда она в последний раз посещала Новодевичий монастырь и чем эта экскурсия ей запомнилась. Занятие было не очень увлекательное, но за неимением лучшего годилось и оно.

Этот православный женский монастырь, служивший на протяжении первых двух столетий своего существования местом заточения царственных особ женского пола, располагался в излучине Москвы-реки на Девичьем поле, в самом конце исторической Пречистенки, которая в настоящее время называлась Большой Пироговской улицей. Ульяна, имевшая почти феноменальную, по утверждению ее подруги Милы, память на даты и исторические факты, помнила, что монастырь был основан великим князем Василием III в 1524 году в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия», чьем имя в переводе с греческого означало «путеводительница», «наставница». Поскольку сама Ульяна ни в чьем наставничестве не нуждалась, по меньшей мере, последние лет десять, то обычно она не испытывала желания ехать через пол-Москвы, чтобы побродить по аллеям Новодевичьего монастыря, а тем более бить поклоны перед его древними иконами, вымаливая наставления, как ей жить.

Было еще одно обстоятельство, вызывавшее гнев Ульяны. Основание Новодевичьего монастыря Василием III странным образом совпадало с его бракоразводным процессом, а это давало основание утверждать, что монастырь предназначался для его жены великой княгини Соломонии Сабуровой. Провинилась же та перед царственным мужем только тем, что после двадцати лет брака так и не родила ему наследника. Поэтому в 1523 году Василий III добился разрешения на второй брак, а спустя два года Соломонию Сабурову постригли в Рождественском монастыре в монахини, дав ей имя София. Выступавшие против расторжения брака Василий Патрикеев, митрополит Варлаам и преподобный Максим Грек были сосланы из Москвы

туда, «куда Макар телят не гонял», причём митрополит впервые в русской истории был лишён сана. И уже в начале следующего, 1526 года, Василий III женился на юной дочери литовского князя девице Елене Глинской, которая и родила ему наследника, известного ныне всему миру как Иван Грозный.

Правда, поселиться в Новодевичьем монастыре великой княгине-инокине Софии, позже причисленной Русской Православной церковью к лику святых, так и не пришлось, она умерла в Покровском монастыре Суздаля. Но это обстоятельство не умаляло праведного гнева Ульяны. По ее мнению, поступок Василия III по отношению к своей жене был подлым. А с точки зрения истории – крайне неосмотрительным и даже предосудительным. Ульяна считала, что Иван Грозный принес Руси неисчислимые беды, так же как много позднее – Петр I и Иосиф Сталин. Это были безумные тираны, залившие страну кровью, чтобы утолить свою ненасытную жажду смерти. Не то чтобы Ульяна предпочитала эпоху правления Екатерины II, считая эту императрицу слишком распущенной и легкомысленной (одна только переписка с безбожником Вольтером чего стоит!), но если бы ей дали право выбирать, то большинство русских царей она заменила бы на женщин. Тем более, что в действительности те и правили, оставаясь в тени своих мужей. Например, Александра Фёдоровна, бывшая женой последнего российского императора Николая II...

– Станция метро Спортивная! – сердито прокаркал металлический голос в динамике, и вагон замедлил ход, а затем остановился.

Задумавшись, Ульяна едва не пропустила свою остановку. Она поспешила к выходу, с трудом пробиваясь сквозь хлынувшую с перрона толпу. Но все-таки успела выйти в самый последний момент. Двери грозно клацнули за ее спиной, едва не ухватив за подол юбки, и вагон укатил во тьму тоннеля, злобно сверкая красными глазищами фонарей.

Ульяна представила, что было бы, если бы двери вагона сорвали с нее юбку, и вздрогнула. Не то, чтобы она стеснялась своих ног или трусиков, но становиться объектом пристального внимания толпы, кишящей вокруг, а тем более попасть в выпуски вечерних новостей всех московских средств массовой информации ей не хотелось. Придя к выводу, что ее предубеждение против метро имеет под собой веские основания, а не высосано из пальца, она поспешила к эскалатору.

От станции метро Спортивная до Новодевичьего монастыря Ульяна шла минут пятнадцать, глубоко дыша, чтобы освободить свои легкие от затхлого подземного воздуха, а голову – от навязчивых мыслей о русских царях и царицах. Сейчас ее волновало не престолонаследие, а где и как найти в монастыре эксперта по вопросу, который и привел ее в древнюю женскую обитель. Она сама признавала, что вопрос этот был крайне щекотливым, а с определенной точки зрения даже фривольным. Но сколько ни думала, так ни до чего и не додумалась.

– Ничего, все у меня получится, – утешала она себя, подходя к чеканной решетке ворот монастыря. – Видит Бог, не для себя стараюсь!

И в надежде на извечный русский «авось» Ульяна ступила на территорию Новодевичьего монастыря, поразившую ее своей пустынностью, которую она объяснила ранним утром и будним днем.

Но все-таки она была не одна, кто хотел с утра пораньше приобщиться к таинствам мира религии. Об этом свидетельствовал автомобиль с украшавшей его капот статуэткой Spirit of Ecstasy, замерший у ворот монастыря. Могло показаться, что он стоит здесь уже целую вечность, покрывшись за это время на толщину пальца пылью. На вид автомобиль был такой древний, словно его доставили сюда из какого-нибудь провинциального музея автотостарины. Несомненно, это был ролс ройс, шикарный и чопорный, как истинный англичанин времен Елизаветы II.

В любое другое время Ульяна, несомненно, заинтересовалась бы этой диковинкой, кажущейся анахронизмом на улицах Москвы двадцать первого века, но сейчас ей было не до этого.

Она подумала только, что, возможно, встретит его владельца на территории Новодевичьего монастыря и, если останется время, задаст ему пару вопросов, главный из которых будет звучать так: как ему, занесенному в наше время из глубины веков, живется в современном мире интернета и психоанализа?

Ульяна свернула на одну из аллей, разбегавшихся в разные стороны от монастырских ворот. Время шло, но никого из людей, а тем более в монашеском одеянии или черной рясе, которые носят священнослужители, она не встречала. Ульяна шла, все ускоряя шаг, по территории монастыря, а ее глаза зорко рыскали по окрестностям, пытаясь отыскать следы присутствия человека. Казалось, монастырь в одночасье вымер, а все его обитатели вознеслись на небо, зачем-то прихватив с собой свои бранные тела. Многометровая ограда монастыря с зубцами, бойницами, галереями и множеством башен нависала над Ульяной мрачной каменной громадой, скрадывая лучи солнца и словно угрожая навеки заточить ее здесь, как некогда многих других, таких же юных и красивых, княгинь и боярынь, Годуновых, Лопухиных, Романовых...

Ульяна никогда не была пугливой, но внезапно она испытала страх. То ей чудились какие-то тени, мелькавшие в сумраке узких бойниц, то она явственно слышала хруст веток под ногами невидимых существ, а порой ощущала жаркое дыхание, опалявшее ее затылок. После того, как она почувствовала чье-то легкое, почти эфемерное, как крылышко бабочки, прикосновение к своему плечу, а, обернувшись, никого не увидела, ее затрясло, словно в ознобе. И, не сдержавшись, она закричала:

– Эй, люди! Отзовитесь!

– А люди – это так важно? – вдруг услышала она за своей спиной лишенный каких-либо интонаций тихий голос. Как будто внезапный порыв ветра прошелестел в кронах деревьев, росших на территории монастыря.

Она почти взвизгнула от неожиданности. Резко обернулась и увидела мужчину, который смотрел на нее завораживающими, черными как смоль, глазами. Он расположился на скамейке, которую наполовину скрывал густой развесистый куст, поэтому, наверное, она и прошла рядом, не заметив его. Мужчина был в дорогом элегантном костюме из тонкой шерсти и широкополой шляпе, бросающей тень на его лицо. Из-за этой ли тени, или из-за глаз, от которых было трудно отвести взгляд, нельзя было понять, сколько ему точно лет, молод ли он, как Ульяна, или в более зрелом возрасте. Можно было рассмотреть только его породистый нос с горбинкой, чем-то напоминавший клюв хищной птицы. В руках он держал газету, которую, по всей видимости, до этого читал.

Ульяна почувствовала смущение. Говоря по совести, ее возглас вполне можно было принять за крик о помощи. Сейчас она и сама не понимала, что могло так напугать ее. Стояло чудесное солнечное утро, в траве радостно стрекотали кузнечики, из-за каменной стены монастыря доносились звуки автомобилей, раздавались голоса людей. То, что Ульяна их не слышала за минуту до этого, было, конечно, странно, но вполне объяснимо, если вдуматься.

В таких случаях Мила всегда говорила «нервишки шалят». Она умела рассказать о самом сложном явлении простыми словами, не считая нужным забивать свою очаровательную головку утомительными мыслями.

Вот и с ней случилось то же самое. Вероятнее всего, это был нервный срыв, вызванный... А вот чем он был вызван, Ульяна даже предположить не могла. Поэтому она не стала углубляться в свое подсознание, на что требовалось время, а покаянно произнесла:

– Простите меня!

Но мужчина ничего не ответил, продолжая смотреть на нее непонимающим взглядом. Могло показаться, что он не понимает русского языка.

– Сама не пойму, что со мной случилось, – вдруг начала откровенничать Ульяна. Незнакомец по непонятной причине вызывал у нее доверие. Его черные, как ночь, глаза буквально

завораживали, она не могла оторвать от них своего взгляда. – Мне вдруг показалось, что я совершенно одна в этом монастыре и никогда не смогу выбраться отсюда. Забавно, правда?

Ульяна вымученно рассмеялась. Но мужчина даже не улыбнулся, на что она рассчитывала, а вместо этого произнес на языке, в котором Ульяна с удивлением признала испанский, короткую фразу:

– *Nunca te rindas aunque todo el mundo este en tu contra.*

В переводе на русский это значило: «Никогда не сдавайся, даже если весь мир против тебя».

Ошеломленная Ульяна машинально ответила:

– *Sabemos quiénes somos, pero no sabemos quiénes podemos ser.*

«Мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем мы можем быть». Это высказывание она когда-то вычитала в одной из трагедий Шекспира, и, казалось, забыла, а сейчас вдруг вспомнила, да еще и произнесла на испанском языке. Но Ульяна даже не поразились этому. Ей показалось, что в глазах ее собеседника появилась и тут же исчезла тень удивления. Но, вероятнее всего, это промелькнул солнечный блик.

Мужчина ничего не сказал в ответ, только молча кивнул, как будто давая понять, что согласен с ней. Он встал со скамейки, прощаясь, приподнял рукой шляпу, обнажив при этом красивые черные, с серебряной искрой, волосы, и неторопливой походкой уверенного в себе человека, который никогда не торопится, пошел по направлению к воротам.

Ульяна почувствовала внезапное желание пойти за ним. Что-то неодолимо влекло ее к незнакомцу, и она хотела понять, что именно, чтобы потом не жалеть об упущенной возможности. Но в эту самую минуту она увидела человека в рясе. Он спешил, еще немного – и скрылся бы в одной из монастырских башен.

Ульяна в растерянности оглянулась – незнакомец уже исчез за поворотом. И она выбрала синицу в руках, тем более что именно та и была целью ее визита в Новодевичий монастырь.

– Батюшка! – закричала, привлекая к себе внимание священнослужителя, Ульяна. – Постойте! Пожалуйста, подождите, я вас должна спросить о чем-то очень важном!

Священник или монах, Ульяна плохо разбиралась в мужчинах, носивших одежду, похожую на женское платье, услышав ее, остановился. Застигнутый на полпути, он с явным неудовольствием взирал на почти бегущую к нему женщину. Но, разглядев, что она молода и красива, сменил гнев на милость и неожиданно густым рокошующим басом произнес:

– Не спеши, дочь моя! Я не испарюсь, яко дух.

Священник был маленького роста, и его бас, а особенно то, что он пытался шутить, весьма изумили Ульяну. Но за это утро она уже устала удивляться, поэтому, подойдя, без долгих предисловий заявила:

– *Buscando la verdad, Santo padre!*

Священник с удивлением воззрился на нее, явно ничего не поняв. Он растерянно пробормотал:

– Отец Евлампий я...

Ульяна прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Все ее мысли были о незнакомце, с которым она только что рассталась. Поэтому и к батюшке она обратилась по-испански. «Ищу истину, святой отец!» Еще хорошо, что тот ее не понял, а то счел бы за сумасшедшую. И был бы, вероятно, недалеко от истины.

Ульяна, не теряя времени на объяснения, уже на чистом русском языке спросила:

– Батюшка, если кто-то лишает другого человека возможности зачать ребенка, он тем самым совершает грех?

Но в лучшую сторону ситуация не изменилась. Лицо отца Евлампия выразило столь сильное недоумение, что Ульяне вдруг захотелось махнуть на все и вся рукой, повернуться и бежать со всех ног без оглядки из монастыря. Но понимая, что это выглядело бы еще более странным,

чем все то, что происходило до сих пор, она сдержала свой душевный порыв и не сдвинулась с места. Изменилась лишь ее улыбка, став печальной.

Возможно, только неожиданно погрузневшее лицо Ульяны и сподвигло ошеломленного отца Евлампия на ответ. Запинаясь, он пробормотал:

– Дочь моя, грех аборта страшнее убийства. Ибо он не только лишает жизни ребенка, но и лишает его возможности принять Таинство Святого Крещения...

– Да я не об этом, – нетерпеливо отмахнулась Ульяна, не дослушав. – Аборт – это тяжкий грех, об этом каждая школьница знает, батюшка. А вот если женщине не дают даже зачать ребенка? Это грех или нет?

– А яко же, – перешел от смущения на старославянский батюшка. – Это великий грех перед Богом – препятствовать зачатию.

– Любыми средствами? – уточнила Ульяна.

– Любыми, – укрепившись духом, подтвердил отец Евлампий.

Ульяна торжествующе улыбнулась и заявила:

– Я так и знала! – После чего проникновенно добавила: – Спасибо вам, батюшка! Вы мне очень помогли.

Они помолчали. Отец Евлампий, растерянно поморгав глазами, все-таки не смог преодолеть искушения и любопытствовал:

– Дочь моя, не мое, это, конечно, дело, но исповедуйся, как на духу. Кто-то не дает тебе зачать ребеночка?

– Мне? – глядя на него невинными глазами, спросила Ульяна. Но говорила уже не она, а Дэнди.

Плох тот танцор фламенко, на которого никогда не сходил дух этого древнего испанского танца, называемый дуэнде. Одержимый им танцор творит на сцене чудеса, вызывая у зрителей восторг своим искусством. Но, однажды посетив Ульяну, дуэнде по каким-то причинам так и не покинул ее. Привыкнув к его существованию внутри себя, Ульяна даже дала ему имя, назвав, не мудрствуя лукаво, Дэнди. И теперь живший в ней бесенок требовал вознаграждения за долгое смирение. Решив не быть слишком строгой, Ульяна уступила ему.

Опустив глаза, кротким голосом она произнесла:

– Да что вы, батюшка! У меня другая беда.

– И какая же, дочь моя? – не удержался отец Евлампий от вопроса. И немедленно был наказан за свое любопытство.

– Я ведьма, поэтому зачать не могу, – горестно вздохнув, ответила Ульяна. – Бесплодные мы, ведьмы. Уж вам ли не знать, батюшка!

Отец Евлампий открыл было рот, но не смог произнести ни слова, и снова закрыл его, словно рыба, издав громкий чмокающий звук.

– Я вот что хотела спросить, батюшка, – вдохновенно продолжала Ульяна. – Если ведьма примет таинство святого крещения, то сможет ли она после этого зачать? У нас всякое об этом говорят, а вот что вы думаете?

Пышущее здоровьем румяное личико отца Евлампия приобрело серый оттенок. Он троекратно осенил себя крестным знаменем, повернулся и почти побежал по аллее, часто семеня короткими ножками. Ряса мешала ему, и он приподнимал ее руками. Тяжелая железная дверь, ведущая в башню, где когда-то томила в заточении одна из царственных особ, с тяжким грохотом захлопнулась за его спиной.

Глядя ему вслед, Ульяна невольно рассмеялась.

– Flota como una mariposa, rica como una abeja, – вздохнув, произнесла она. В переводе с испанского это означало: «Порхай как бабочка, жаль как пчела».

После чего она с возмущением спросила у Дэнди:

– Ну, теперь ты доволен?

Но ответа так и не дождалась. Лукавый дух хорошо знал, что когда хозяйка сердится на его проделки, то лучше промолчать.

Глава 4

Пора было возвращаться в привычную, мирскую жизнь. Но Ульяна почему-то медлила, как будто что-то удерживало ее в Новодевичьем монастыре, который еще совсем недавно внушал ей панический ужас.

Она дошла по аллее до скамейки, на которой сидел ее недавний таинственный собеседник. И увидела, что он забыл свою газету. Крупный заголовок на испанском языке можно было прочесть издали. Это была «El Mundo», крупнейшая газета Испании, ежедневный тираж которой составлял более трехсот тысяч экземпляров. Ветер загибал ее страницы. Одна из статей была обведена красным фломастером, и на ней была проставлена дата – 7 июля. Ульяна поняла, что именно эту статью читал незнакомец.

Идею, которая пришла в голову Ульяны при виде забытого номера «El Mundo», едва ли можно было назвать оригинальной, но она показалась ей очень удачной. Ульяна подумала, что ее никто не осудит, если она вернет газету хозяину. А заодно спросит его, что он имел в виду, когда на ее призыв к людям ответил такой странной, если задуматься, фразой. Да еще и на чистейшем русском языке. А затем почему-то начал прикидываться, что ни бельмеса не понимает по-русски. Странное поведение ее собеседника занозой засело в голове Ульяны, но только сейчас она осознала, что именно эти мысли не дают ей покоя и не позволяют уйти из Новодевичьего монастыря.

С газетой в руках Ульяна поспешила к воротам монастыря. Учтывая неторопливый шаг незнакомца и непродолжительное время, затраченное на разговор с отцом Евлампием, она вполне могла догнать его.

Но Ульяне пришлось испытать жестокое разочарование. Мужчина как будто сквозь землю провалился. Исчез и ролс ройс. Сопоставив эти два факта, Ульяна поняла, что именно ее недавний собеседник и был хозяином допотопного автомобиля, стоившего, тем не менее, целое состояние. Почему-то это ее не удивило.

– Я все могу понять, – задумчиво произнесла она по своей неискоренимой привычке, привитой одиночеством, размышлять вслух. – Кроме того, почему я бегая за ним, как последняя дура!

Но Дэнди, которому она обычно и адресовала свои вопросы, промолчал и на этот раз. Поэтому Ульяна развернула «El Mundo», словно надеялась прочесть ответ на ее страницах. Перелистав страницы газеты, она открыла статью, которую читал незнакомец.

Крупный заголовок гласил: «Джорджийские скрижали подверглись нападению вандалов».

Подзаголовок, набранный чуть меньшим шрифтом, был не менее броским: «Десять заповедей постапокалиптического послания к человечеству залили полиуретановой краской. Полиция города Элбертон подозревает членов местной христианской общины».

Ниже на странице был опубликован большой снимок, на котором Ульяна увидела четыре гигантских плиты с необработанными краями, установленные вокруг центральной плиты. Еще одна плита была расположена поверх них, венчая это гигантское гранитное сооружение, испещренное какими-то надписями, почти не видными из-за густых потеков черной краски.

Под снимком газета опубликовала все заповеди в их первоизданном виде. Ульяна прочитала текст сначала по-испански, затем перевела его на русский язык. И вот что у нее получилось:

1. Поддерживайте численность населения Земли в пределах 500 000 000 человек, чтобы пребывать в равновесии с природой.
2. Разумно регулируйте рождаемость, заботясь о здоровье и многообразии человечества.
3. Объедините человечество живым новым языком.

4. Проявляйте терпимость в вопросах чувств, веры, традиций и тому подобного.
5. Защитите людей и нации справедливыми законами и справедливыми судами.
6. Пусть каждая страна сама решает свои внутренние дела, предоставляя решение иных проблем суду международному.
7. Избегайте мелочных законов и бесполезных чиновников.
8. Поддерживайте равновесие между личными правами и общественными обязанностями.
9. Превыше всего цените истину, красоту и любовь, стремясь к гармонии с бесконечностью.
10. Не будьте раковой опухолью на земле – оставьте место для природы.

Чтение и перевод заняли довольно много времени. Но Ульяна, увлеченная прочитанным, уже никуда не спешила. Она, гуманный, не особо дружила с цифрами, но даже ей было понятно, что вызвало праведный гнев тех, кого газета в погоне за сенсацией в броском заголовке окрестила вандалами.

В свое время Ульяна интересовалась этой темой и помнила, что еще десять тысяч лет назад на земле жило всего около пяти миллионов человек. К 1930 году планету населяло уже два миллиарда человек. А всего через сорок лет после этого, в 1974 году, численность человеческой расы удвоилась, превысив четыре миллиарда. Это дало повод говорить о настоящем демографическом взрыве. Рационально мыслящие ученые из Организации Объединенных наций подсчитали, что если динамика роста не претерпит разительных изменений, то к 2100 году Землю будут населять уже одиннадцать миллиардов человек.

Пусть это было отдаленное будущее, а в настоящее время планету населяет от семи до восьми миллиардов человек. Тем не менее, призыв сократить население Земли до пятисот миллионов многим мог показаться бесчеловечным, даже кощунственным, сродни нацистской идеологии, обосновывающей истребление неполноценных рас.

Как известно, всякое действие рождает противодействие. Джорджийские скрижали только залили краской, а ведь могли заложить под гранитные плиты взрывчатку и, как говорится, разом решить проблему.

Подумав об этом, Ульяна поморщилась. Она воочию представила себе эту ужасающую, сопровождающую любой террористический акт, картину – взрыв, обломки гранита, разлетающиеся вокруг, быть может, погибшие туристы, кровь...

Она не одобряла такой способ разрешения споров. Людей на земле с каждым годом становится больше, но отстаивать свои взгляды и принципы они по-прежнему предпочитают силой, как их далекий предок, пещерный человек. Камнем по голове, не трата лишнего слов.

– Джорджийские скрижали, – задумчиво произнесла Ульяна. – Десять заповедей постапокалиптического послания к человечеству. Так вот какие у тебя интересы! Чем ты меня еще поразишь, мой таинственный незнакомец?

В газетной статье упоминалось то время, когда Ульяна еще не появилась на свет. Когда 22 марта 1980 года на окраине города Элбертон в штате Джорджия был торжественно открыт памятник, местный священник, присутствующий на немногочисленной церемонии в числе ста других гостей, отозвался о нем с ужасом. Он во всеуслышание заявил, что монумент построен для сатанинских языческих культов.

С того дня споры вокруг Джорджийских скрижалей не стихали, Ульяна знала об этом. Ведь даже ей однажды удалось принять участие в одной из дискуссий на эту тему. Ульяна училась в университете, и диспут, как она смутно помнила, назывался «Завет Веку Разума или очередная проделка сатаны?». Ульяна в то время отстаивала теорию, согласно которой Джорджийские скрижали были всего лишь глупым розыгрышем какого-то эксцентричного миллиардера. По ее мнению, призыв поддерживать численность населения Земли в пределах пятисот миллионов человек, являющийся первой «заповедью» из десяти, выбитых на каменных

глыбах, был попросту абсурден. И тогда, с помощью неотразимых аргументов, ей удалось блестяще доказать свою правоту.

Спустя несколько лет Ульяна была готова признать, что главными среди тех аргументов были ее юность и смазливая мордашка. А еще сверхкороткая юбочка, не скрывавшая, а, скорее, обнажавшая умопомрачительные ножки. Как ни странно, но она была единственной женщиной на том диспуте.

Но это ей сейчас подобный факт кажется странным, подумала она, усмехнувшись, а тогда он казался совершенно естественным. В молодые годы Ульяна не терпела конкуренции. По этой причине она даже отказывалась принимать участие в конкурсах красоты, несмотря на то, что все ее друзья-мужчины, которых было великое множество, загодя дружно пророчили ей победу.

С тех пор многое изменилось. Она уже давно принципиально не носит мини-юбок, а дружить предпочитает с Милой. Если задуматься, то это тоже несколько странно...

– Стоп, подруга, – решительно остановила сумбурное течение своих мыслей Ульяна. – Сейчас речь не о себе, любимой, а о некоем таинственном незнакомце и не менее таинственных Джорджийских скрижалях, которые его так заинтересовали, что он исчеркал всю статью красным фломастером. Еще хорошо, что не своей кровью. Этот человек, как мне кажется, способен на все. А вот на что способна ты?

Это был вопрос, ответ на который обычно заводил Ульяну в такие дебри, что далеко не всегда она могла выбраться из них без посторонней помощи, а тем более без потерь. Услышав его, Дэнди, затаившийся внутри Ульяны, воспрянул духом и радостно завозился. По опыту он знал, что вскоре их с хозяйкой ожидают приключения, в которых ему будет где разгуляться и чем потешить себя.

– Ну, ты, не очень-то радуйся! – осадила его Ульяна. – Еще ничего не решено. Подумай сам, что мы имеем? Газетную статью, обведенную фломастером, и написанную на этой статье дату. Единственное, что мне приходит на ум – именно в этот день, седьмого июля, наш незнакомец собирается побывать в Элбертоне, чтобы своими глазами увидеть оскверненные Джорджийские скрижали. Но я могу ошибаться.

Дэнди не согласился с хозяйкой. Он был уверен, что она никогда не ошибается.

– Пусть так, и мое предположение верно, – не стала спорить Ульяна. – В таком случае, чтобы встретиться с ним еще раз, я должна быть в районе Джорджийских скрижалей седьмого июля, и ни днем позже.

На этот раз Дэнди согласился. Иногда он тоже был не чужд логики.

– Но Джорджийские скрижали – это в Америке, тогда как я в Москве, – грустно сказала Ульяна. – А седьмое июля – это уже послезавтра. И как, скажи на милость, я могу там оказаться за столь короткий срок?

Дэнди промолчал. Проза жизни его обычно не интересовала. Он был мечтателем, а не прагматиком.

– Лично я вижу только одну возможность, – задумчиво произнесла Ульяна. – И это – командировка от газеты в город Элбертон. Так сказать, на место событий. С заданием от редакции написать статью об осквернении вандалами известного всему цивилизованному миру монумента.

Дэнди возликовал. Выход был найден. Но Ульяна была настроена менее оптимистично и восторженно.

– Но не будем спешить собирать чемоданы, – сказала она, вздохнув. – Для начала мне нужно переговорить с главным редактором газеты, в которой я, если ты не забыл, получаю зарплату.

Услышав это, Дэнди сразу поскущел. Главный редактор газеты, в которой работала Ульяна, был, выражаясь поэтическим языком, ее злым гением. Именно он пресек на корню

великое множество ее грандиозных творческих замыслов, которые, по задумке, должны были увеличить тираж газеты, а попутно известность самой Ульяны, до мировых масштабов.

Звали его Абрам Осипович Зильбер, и он предпочитал не лезть на рожон, а, взяв за образец своего любимого поэта Тютчева, предугадывать «как слово наше отзовется». К этому он призывал и Ульяну, к ее вящему неудовольствию.

Ульяна часто сердилась на его почти отеческие увещевания и отвечала в том духе, что еще в библейские времена рожном называлась длинная заостренная палка, которой кололи отставших волов, возвращая их в стадо. Но Абрам Осипович только хитро щурился и примирительно говорил, что тем более не понимает, зачем Ульяне это надо. Спорить с ним было бесполезно, он только внешне казался мягким, словно воск, а в действительности был неуступчив и настойчив. Ульяна в первые месяцы своей работы в газете иногда сравнивала его с теплым ласковым ветром. Однако, как известно, плевать против ветра – занятие не благодарное, чреватое неприятными последствиями, и она очень скоро это поняла.

Поэтому к неизбежному разговору с главным редактором следовало хорошо подготовиться.

Глава 5

Ульяна, решив, что ей требуется время на раздумья, присела за столик летнего кафе с видом на Новодевичий монастырь и заказала чашку черного кофе без сахара. Этот горький напиток лучше всего остального возбуждал ее ум, а вовсе не был средством сохранить стройную фигуру, как утверждала Мила.

Но одной чашки на этот раз оказалось мало. Слишком сложную задачу ей предстояло решить – как добиться от Абрама Осиповича разрешения на срочную командировку в Элбертон. Только после третьей чашки в голове Ульяны созрел план, который мог принести ей успех. Она понимала, что дуэль с главным редактором будет скоротечной, и на победу можно рассчитывать только в том случае, если она нанесет удар первой, причем удар этот должен быть неотразимым или, по меньшей мере, ошеломляющим. Поэтому план ее, несмотря на всю свою изощренность, состоял всего из одного пункта.

Но зато если бы он провалился, то потерять Ульяна могла все, чем дорожила – любимую работу, неизменную опеку Абрама Осиповича, привычный образ жизни.

Стоило ли оно того? Едва ли не в первый раз в жизни Ульяны ее разум вступил в конфликт с чувствами. Разум настаивал на том, чтобы Ульяна забыла о незнакомце, которого она встретила в Новодевичьем монастыре. Чувства, впервые за долгие годы задетые за живое, противоречили. Устав от этого спора и сомнений, Ульяна пришла к выводу, что ей нужен третейский судья.

Недолго думая, она подозвала официантку, которая подносила ей кофе. Это была рослая белокурая девица лет двадцати пяти с крупными чертами лица, на котором явственно читалась скука.

– Извините, как вас зовут? – поинтересовалась Ульяна преувеличенно вежливо, не зная, с чего начать беседу на интересующую ее тему.

– Ну, Оксана, – ответила та, ткнув пальцем в карточку с именем, прикрепленную к ее груди. Бэйдж на фоне пышной груди терялся, имя почти не читалось. – А что не так?

– Да все так, Оксана, спасибо, просто я хотела кое о чем спросить вас, – старательно выговаривая каждое слово, пояснила Ульяна. Она уже поняла, что предстоящий разговор с этой скучающей пышнотелой девицей будет не из легких.

– Ну, спрашивайте, – равнодушно разрешила девушка. – Только быстро. Нам не разрешают с клиентами попусту болтать, если те ничего не заказывают.

– Так это, наверное, с мужчинами, – улыбнулась Ульяна.

– Ну да, – согласилась Оксана. И тут же возмутилась: – А мужчины что, не люди?

– Люди, конечно люди, – успокоила ее Ульяна. – Кстати, как раз о мужчинах я и хотела вас спросить. Мне кажется, что вы много о них знаете.

– Это почему же вам так кажется? – подозрительно взглянула на нее девушка.

– Ну, вы такая красивая, – польстила ей Ульяна. – Я уверена, что мужчины так и вьются вокруг вас, слово пчелы над цветком.

– Это точно, – охотно подтвердила официантка, не чувствуя подвоха. И милостиво разрешила: – Ну, спрашивайте!

– Видите ли, Оксана, одна моя подруга совсем недавно встретила мужчину, очень интересного и очень таинственного...

В глазах Оксаны впервые появился подлинный интерес.

– Но он неожиданно исчез, – вздохнула Ульяна.

– Такое часто бывает, – сочувственно кивнула ее собеседница. И убежденно добавила: – Потому что все они подонки!

– Он не такой, – не согласилась Ульяна.

– Значит, вашей подруге повезло, – вздохнула на этот раз Оксана. – Мне вот все как-то не везет... Ну, и что дальше?

– Дальше? – Ульяна помолчала, задумавшись, а потом честно ответила: – Соя подруга хочет с ним встретиться снова. Но для этого она должна, образно выражаясь, поставить на карту все, что у нее есть. Причем без какой-либо уверенности, что выиграет...

– Нет, так нельзя, – убежденно заметила Оксана. И ее пышная грудь возмущенно колыхнулась. – Пожертвовать всем ради мужчины, который ее к тому же бросил?

– Исчез, – робко уточнила Ульяна.

– А не все ли едино? – сурово отрезала Оксана. И решительно резюмировала: – Передайте от меня вашей подруге, что она просто дура!

В словах официантки было слишком много простой житейской правды, чтобы Ульяна начала спорить. Оксана только подтвердила ее сомнения.

Но в действительности именно это Ульяне и надо было, чтобы начать действовать. Препятствия только раззадоривали ее. Когда ей говорили, что это опасно и лучше повернуть назад, она шла напролом, закусив удила, словно своенравная кобыла. А потому, выслушав здравомыслящие рассуждения Оксаны, Ульяна твердо решила, что предпримет все, что только в ее силах, чтобы встретиться с незнакомцем вновь. Иначе она никогда не простит саму себя.

Ульяна расплатилась за выпитый кофе, щедро одарив официантку чаевыми, и поспешила к станции метро. После того, как решение было принято, она не собиралась терять ни минуты.

Она хотела было даже взять такси, но по здравому размышлению передумала, опасаясь извечных московских пробок, неизменно превращающих метро в самый быстрый вид общественного транспорта в Москве. По мнению Ульяны, Москва была прекрасна только в одно время суток – с двух часов ночи до пяти часов утра, когда автомобилисты отсыпались после утомительного стояния в уличных заторах. Именно поэтому, несмотря на свою нелюбовь к метрополитену, она так и не приобрела машину, предпочитая кратковременные мучения поездок на метро длительной агонии автомобильных пробок.

На дорогу от станции Спортивная до станции Савеловская, а затем пешком от метро до редакции газеты, в которой она работала, Ульяна потратила не более получаса. Войдя с жары в прохладный вестибюль здания, она с облегчением вздохнула, словно достигла земли обетованной после долгого скитания по пустыне. Это был ее мир, в нем она чувствовала себя уверенно и независимо, защищенной от разного рода случайностей, подстерегавших ее даже в Новодевичьем монастыре. Здесь она знала почти всех, кто встречался на ее пути. Радостно здоровалась с ними, отвечала на приветствия. Отшучивалась, когда кто-то смеялся над ее непривычным, почти монашеским, одеянием. Сама не заметила, как поднялась на этаж, где находился кабинет главного редактора. Притихла и потянула на себя дверь, ведущую в приемную.

Ей повезло, был обеденный час, и приемная оказалась непривычно безлюдной. А главное, в чем Ульяна увидела некий знак свыше, не было даже секретаря, Маргариты Павловны, обычно неусыпным стражем стерегущей дверь кабинета главного редактора и безжалостно отсекающей поток посетителей и сотрудников редакции, жаждущих проникнуть к Абраму Осиповичу без предварительной записи или устной договоренности. Вероятнее всего, Маргарита Павловна спустилась в столовую, находящуюся на первом этаже здания, тем самым опровергнув утверждение, что она не обыкновенный человек, а мифологическое чудовище Аргус, превратившееся за минувшие тысячелетия из многоглазого великана в сухую и желчную женщину неопределенных лет. Автором этого мифа была сама Ульяна. И, на ее беду, Маргарита Павловна каким-то образом узнала об этом. После чего для того, чтобы пройти в кабинет главного редактора, Ульяне приходилось совершать поистине чудеса, если, конечно, Абрам Осипович не вызывал ее сам, что бывало не так уж часто.

Мстительно показав опустевшему стулу Маргариты Павловны язык, Ульяна открыла массивную, обитую черной кожей дверь и вошла в святая святых редакции, чувствуя, вероятно, то же самое, что и Юлий Цезарь, когда он переходил Рубикон, сжигая за собой все мосты.

Несмотря на обеденное время, главный редактор сидел за письменным столом, читая и подписывая какие-то бумаги. Не надо было быть провидцем, чтобы заметить, что внезапное появление Ульяны не обрадовало его. По горькому опыту Абрам Осипович знал, что его душевный покой, которым он дорожил больше всего на свете, с ее появлением будет немедленно и надолго нарушен. Но он не вымолвил ни слова, продолжая заниматься своим делом, словно надеясь, что Ульяна сжалится над ним и выйдет из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Полноватый, с морщинистым лицом, в немодном черном костюме-тройке, выглядел он как типичный пожилой еврей, для полноты картины не хватало только бороды и длинных неподстриженных прядей волос на висках. Но, как считала Ульяна, пейсы он не носил только из желания скрыть от окружающих свои консервативные ортодоксальные взгляды на современную жизнь. Не дожидаясь, пока он что-то скажет, Ульяна подошла к столу и положила перед главным редактором лист бумаги с написанным от руки текстом. Она не только нервничала, но еще и торопилась, когда писала его, поэтому почерк оставлял желать много лучшего. Но до щепок ли, когда рубят лес...

Абрам Осипович тяжело вздохнул, отложил свои бумаги и с легкой картавинкой, которая появлялась в его голосе, когда он начинал волноваться, спросил, как будто не умел читать:

– Это что еще такое?

– Заявление на увольнение, – с видом оскорбленной добродетели пояснила Ульяна. – Поскольку я не согласна с редакционной политикой, то, как честный журналист, не считаю возможным...

Ульяна осеклась, не договорив. Тому, кто плохо ее знал, могло показаться, что она вот-вот заплачет. Абрам Осипович нахмурился, и Ульяна подумала, что перегнула палку. Сердце в ее груди испуганно затрепетало, как птица, попавшая в силки. Но главный редактор сдержал свой порыв. И вместо того, чтобы подписать заявление, как это сделала бы, будь она на его месте, сама Ульяна, он спросил:

– Что ты от меня хочешь на этот раз, Ульяна?

Вопрос был, что называется, в лоб и требовал такого же прямого ответа.

– Командировки от редакции в Америку, – честно ответила Ульяна. – А если быть точнее, то в город Элбертон.

И, справедливо считая, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, она положила на стол номер «El Mundo» со статьей о Джорджийских скрижалях.

– Читайте, – потребовала она.

Абрам Осипович, прочитав заголовок, с недоумением взглянул на Ульяну, как будто хотел спросить, из-за чего вся эта буря в стакане воды.

– Весь цивилизованный мир возмущен этим вопиющим актом вандализма, – заявила она в ответ на его немой вопрос. – И только наша газета отмалчивается. А ведь мы – самый востребованный на сегодняшний день источник актуальной и полезной жителям столицы информации о событиях, происходящих в мире. И что мы ответим, когда наши читатели нас спросят, почему мы молчим?

Абрам Осипович, картавя уже намного сильнее, как это бывало, когда он начинал сердиться, пробурчал:

– Ответим, что мы не бульварная пресса, специализирующаяся на слухах, сенсациях, скандалах и сплетнях.

– По-вашему, осквернение Джорджийских скрижалей – это газетная утка? – почти задыхнулась от возмущения Ульяна.

– Скорее, дутая сенсация, – хмыкнул Абрам Осипович. – Не говоря уже о том, что она имеет чрезвычайно мало отношения к проблемам, волнующим москвичей. А, на мой взгляд, так и вообще никакого.

Несомненно, он был прав, и в любое другое время Ульяна признала бы это. Но не сейчас. И она одним духом выпалила фразу, которую придумала, сидя за столиком летнего кафе, и старательно повторяла все последние полчаса, чтобы не забыть:

– Так, значит, вандалы, оскверняющие памятник, призывающий людей превыше всего ценить истину, красоту и любовь, стремясь к гармонии с мирозданием, не заслуживают того, чтобы их заклеямили в глазах жителей Москвы как безумцев, восстающих против разума и разрушающих основы современного общества?

Абрам Осипович взглянул на нее с таким видом, как будто хотел спросить, поняла ли она сама, что сказала. Но промолчал, видимо, не желая спорить с городской сумасшедшей. И снова склонился над бумагами, сердито проронив:

– Иди работать. Я подумаю над твоим заявлением.

Ульяна поняла, что потерпела фиаско. От огорчения у нее на глазах выступили настоящие слезы. Чтобы скрыть их, Ульяна опустила голову и жалобно пробормотала, уже ни на что не надеясь:

– Абрам Осипович, конкуренты утерли нам нос. Неужели мы это стерпим?

При этих словах Абрам Осипович Зильбер поднял голову и сердито сверкнул глазами. Старый еврей не на шутку рассердился. Своей парфянской стрелой Ульяна ненароком задела ахиллесову пяту главного редактора – его самолюбие. Он не мог позволить, чтобы конкуренты газеты, которую он возглавлял уже много лет, торжествовали, утерев ему нос. Абрам Осипович никогда не забывал, что их маленькому народу на протяжении всей истории его существования приходилось бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить свое достоинство и приумножить свой капитал. Весь мир был против них, но они не сдавались и одолевали своих конкурентов. Абрам Осипович не хотел быть позором еврейского народа, став посмешищем в глазах конкурентов. Его отец, мать и все предки до десятого колена перевернулись бы в своих гробах, допусти он это.

– Уговорила, – сердито прокаркал он.

Но, как истинный еврей, не мог не спросить:

– А что взамен?

Ульяна ждала этого вопроса, так как хорошо знала своего главного редактора. А потому ответила без запинки:

– Сногшибательный репортаж. Феноменальный рост тиража. А еще мою искреннюю любовь и уважение до самого последнего дня моей жизни, если для вас это что-нибудь значит.

Абрам Осипович подозрительно взглянул на Ульяну, но ее глаза были кристально честны.

– По рукам, – буркнул он. – Иди в бухгалтерию, выписывай командировку.

Ульяна радостно кивнула и протянула руку, чтобы забрать лежавший на письменном столе номер газеты «El Mundo». Но Абрам Осипович, не поняв ее жеста, накрыл ладонью заявление на увольнение.

– А это пусть пока полежит у меня, – сказал он почти сердито. – Так сказать, в обеспечение сделки. На тот случай, если ты подведешь меня и не исполнишь своего обещания.

Взяв «El Mundo», Ульяна вышла из кабинета главного редактора с гордо поднятой головой и пылающим лицом, словно уходящая со сцены под гробовое молчание зрительного зала танцовщица фламенко. В приемной она увидела Маргариту Павловну, которая уже вернулась из столовой, и, не удержавшись, послала ей воздушный поцелуй. Взгляд, которым та ее одарила, мог бы поразить Ульяну как молния, если бы она придавала значение таким пустякам, как женская ревность.

Глава 6

Элбертон, который во всех справочниках именовался крупнейшим городом и административным центром округа Элберт, расположенного на северо-востоке американского штата Джорджия, населяло менее пяти тысяч человек. Поэтому ближайший аэропорт находился за девяносто три километра, в Гринвилле, который насчитывал уже почти восемьдесят тысяч жителей, замыкая десятку городов Северной Каролины по численности населения. Аэропорт Pitt-Greenville принимал самолеты со всех концов света, но Мила, тщательно изучив маршрут, посоветовала Ульяне лететь рейсом Москва – Нью-Йорк – Гринвилл компании Аэрофлот. А из Гринвилла добираться до конечной точки своего путешествия на автомобиле, арендованном в одной из местных фирм проката, или на такси.

– Всего одна пересадка в Нью-Йорке, и через двадцать с половиной часов полета ты уже в Гринвилле, – восторженно щебетала Мила. – Как я тебе завидую!

– Сочувствую, ты хотела сказать, – горестно вздыхала Ульяна. – Почти сутки лететь, и очутиться в провинциальном городке, в котором нет, вероятно, даже приличной гостиницы. А потом еще два часа трястись по местным ухабам, чтобы попасть в крошечное поселение, вопреки здравому смыслу присвоившее себе имя города, где уж точно нет приличной гостиницы. И ты считаешь, что есть чему завидовать?

Ульяна ворчала, потому что с каждым часом ее затея казалась ей самой все более безумной. Лететь за тридевять земель, надеясь встретиться с мужчиной, с которым обменялась парой ничего не значащих фраз, – на такое была способна только авантюристка, которой было нечего терять в этой жизни. Ульяна к таким особам себя никогда не причисляла. Ведь у нее были дом, работа, подруга Мила...

– Да вот, пожалуй, и все, – подводил итог неугомонный Дэнди, жаждущий отправиться в путешествие. – Если, разумеется, не считать меня. И ты, в самом деле, считаешь, что тебе есть что терять? Что все это не стоит надежды обрести смысл жизни, который был тобой утерян ты уже и сама не помнишь, при каких обстоятельствах и когда?

– С тобой я рассталась бы без сожаления, – огрызалась Ульяна. Но в глубине души она признавала его правоту. Уже много лет она жила без всякого смысла, крутясь как белка в колесе, не вспоминая прошлое и не задумываясь о будущем. Просто жила, потому что когда-то появилась на свет и должна была просуществовать некоторое количество лет, прежде чем кануть в небытие, в ту же мрачную бездну, из которой появилась, так и не поняв, зачем и кому все это было надо. Встреча с таинственным незнакомцем давала ей шанс изменить свою жизнь и кое-что понять. Во всяком случае, она на это надеялась. Но скрывала это даже от Милы, опасаясь, что ее подруга, какой бы легкомысленной та ни казалась, признает ее не только авантюристкой, но и сумасшедшей. Еще не так давно она и сама бы так сделала, расскажи ей подобную историю та же самая Мила.

– Да, я точно сошла с ума, – призналась самой себе Ульяна после бессонной ночи накануне вылета. – Завтра... – Она взглянула на часы, которые показывали пять часов утра, и поправилась: – Вернее, уже сегодня скажу Абраму Осиповичу, что меня надо отправить не в Америку, а в психушку.

Но, представив во всех жутких подробностях, как ее в машине «скорой помощи» увозят в сумасшедший дом, где надевают на нее смирительную рубашку и запирают в палате с другими безумцами, она все-таки передумала откровенничать с Абрамом Осиповичем и начала собирать дорожную сумку, неизменную спутницу всех ее путешествий. Задача осложнялась тем, что помимо привычных, необходимых в дороге вещей Ульяна хотела впихнуть в нее пару нарядных платьев и красивых туфель, сама не понимая, зачем. Но объем сумки этого не поз-

волял. И надо было решать, что на этот раз оставить дома – ноутбук или пижаму, в которой Ульяна обычно спала даже летом. После долгих размышлений Ульяна рассталась с пижамой.

– То ли еще будет? – горестно вздохнула Ульяна, застегивая туго набитую дорожную сумку. Она чувствовала себя чуть ли не Мессалиной при мысли, что ей придется спать обнаженной. Но на раскаяние времени не оставалось. В дверь уже звонила Мила, которая вызвалась проводить ее до аэропорта. Как подозревала Ульяна, на тот случай, если она в последнюю минуту все-таки надумает увильнуть от полета. Иногда обычно беспечная Мила бывала раздражающе-предусмотрительной.

– Такси подъедет уже через полчаса, – ахнула Мила, увидев, что Ульяна еще не одета. – Ты о чем думаешь, подруга?

– Ни о чем, – слукавила Ульяна, не решаясь признаться, что весь последний час ее мысли были заняты распутной древней римлянкой.

– А надо бы начинать думать, – заявила Мила и съязвила: – В твои-то годы!

– Скажи честно, – спросила хорошо знающая свою подругу Ульяна, – ты имеешь какие-то виды на мою квартиру?

– Если ты не против, – смутилась Мила, застигнутая врасплох. – Понимаешь, мой папенька прилетает на днях в Москву со своей новой женой. А она мне в дочери годится. Представляешь, какой ужас?

– Угу, – скептически хмыкнула Ульяна.

Она знала о свойственной Миле привычке все преувеличивать, как и о том, что та не может простить своего отца. После смерти матери Милы он не только не дал обета безбрачия, а, наоборот, начал часто менять жен. Ульяна подозревала, что поступал он так потому, что любил только мать Милы, а все остальные женщины ему были просто безразличны. Он искал в них черты любимой женщины и не находил, а потому легко и быстро расставался с ними. Но Мила не хотела в это верить. И всячески избегала отца, когда он изредка возвращался из дальних стран домой. Ульяна не одобряла ее в этом. Возможно, потому что сама она избежала подобной ситуации. Она была поздним ребенком, и ее родители давно уже умерли. Они ушли в мир иной почти сразу один за другим, не успев, или не захотев, во что верила Ульяна, найти утешение в другом браке.

А Мила тем временем вкрадчиво продолжала:

– Вот я и подумала, что пока ты в командировке, я могла бы пожить у тебя. Буду кормить твоих рыбок, поливать цветы, чтобы не засохли...

– У меня нет никаких рыбок, – сказала Ульяна. – Тебе бы надо это знать. А последний цветок засох ровно год тому назад, когда мы с тобой месяц отдыхали в Геленджике. Но все равно живи.

– Какая ты добрая! – личико Милы засияло из-под густых темно-каштановых прядей волос, словно утреннее солнышко выглянуло из-за грозовых туч. И тут же снова приняло озабоченное выражение. – А теперь живо собирайся, а то опоздаем на рейс!

– Вот и делай после этого добро людям, – вздохнула Ульяна. – Неблагодарная!

Только благодаря стараниям подруги Ульяна не опоздала на рейс, на что она втайне рассчитывала. В аэропорт они приехали за пять минут до окончания регистрации. А вскоре самолет с Ульяной на борту пробежал по взлетно-посадочной полосе аэропорта Шереметьево и взмыл в воздух, намереваясь преодолеть почти восемь тысяч километров, чтобы через несколько часов доставить ее в международный аэропорт имени Джона Кеннеди.

«На другой континент, в другую страну, в другую жизнь...», – эта внезапная мысль прогнала на мгновение сонный туман, уже почти окутавший сознание Ульяны. Но сказалась бессонная ночь, и она, уютно свернувшись калачиком в мягком кресле, снова окунулась во мглу...

Нью-Йоркский аэропорт показался Ульяне гигантским муравейником, в котором она чувствовала себя личностью не более, чем муравей-солдат, марширующий в одной из шеренг многомиллионной армии насекомых. Она была рада, что пробыла здесь недолго.

В сравнении с ним аэропорт Pitt-Greenville выигрывал в плане индивидуальности, но могло создаться впечатление, что пока Ульяна летела из Нью-Йорка в Гринвилл, над Джорджией пронесся ураган, обезлюдивший этот штат. Либо весь мир преобразила глобальная катастрофа. Если бы на это принимали ставки букмекерские конторы, то Ульяна поставила бы на Джорджию, которую ей было не жалко.

В Москве Мила по интернету заказала в одной из гринвиллских компаний такси автомобиль, который должен был ждать Ульяну в аэропорту сразу после посадки самолета. Но, еще не выйдя из здания аэропорта, она увидела молодого мужчину в униформе, который стоял на пути потока пассажиров и держал перед собой табличку с надписью: «Ulyana Ruskova». Ульяна с облегчением вздохнула. Почти сутки назад она вылетела из Москвы, и очень устала. Физическое и нервное напряжение вымотали ее, она едва передвигала ноги.

– Это я Ульяна Рускова, – подойдя к мужчине в униформе, сказала она. – А вы, как я понимаю...

– Питер Брокман, – представился тот, радостно улыбнувшись. – Ваш Вергилий в том аду, который представляет собой Гринвилл в это время года. А по совместительству водитель такси.

– О! – невольно воскликнула Ульяна. Водитель такси, знающий Данте – такую диковинку редко встретишь даже в Москве, а здесь – забытый Богом и многими людьми Гринвилл. Было чему удивляться.

Питер Брокман понял ее восклицание, и его улыбка стала еще шире.

– Не удивляйтесь, – сказал он. – Я не только водитель такси, но еще и студент по совместительству. Учусь на третьем курсе Гуманитарного колледжа Восточно-Каролинского университета. Так что Вергилий – это мой будущий хлеб в некотором смысле. Я собираюсь преподавать литературу. Если повезет, то в университете.

Питер Брокман был не только молод, образован и умен, но и хорош собой внешне – высокий, светловолосый, спортивного телосложения. Если бы Ульяна встретила его несколько дней назад в Москве, то, несомненно, заинтересовалась бы им. Но после посещения Новодевичьего монастыря ее во всем мире интересовал только один мужчина. И его здесь не было.

– Хорошо, Питер, – устало сказала Ульяна. – Я рада за вас. А теперь скажите мне, где ваша машина, если не хотите меня проводить. Я дойду сама.

Питер Брокман смутился.

– О, простите меня за мою болтливость! – воскликнул он виновато. – Разрешите мне взять ваш багаж и пройдите за мной.

Ульяна с облегчением передала ему свою дорожную сумку, которая, казалось, стала вдвое тяжелее, чем была в Москве. Питер Брокман круто развернулся и быстро пошел к выходу. Ульяна едва поспевала за ним, но окликнуть не решалась из опасения, что если услужливый юноша, из лучших побуждений, предложит ей взять ее на руки и донести до машины, то она может не найти в себе силы отказаться.

Такси было ярко-желтого, словно новорожденный цыпленок, цвета. И такое же крошечное. Ульяна с трудом втиснулась на заднее сиденье, всем телом болезненно ощущая, какое оно жесткое. Но это было все-таки лучше, чем идти пешком до Элбертона почти сто километров, по жаре и с тяжелой сумкой в руках.

– Предлагала же мне Мила заказать «Хаммер», – с досадой пробормотала Ульяна, обращаясь к Дэнди, который только тихонько простонал в ответ. Дух тоже обессилел и не мог даже ругаться. – А я еще высмеяла ее, послав к Фрейду и его фаллическим символам.

– Это вы мне, Ульяна? – спросил ее Питер Брокман, уже занявший водительское кресло. – Простите, я не расслышал, что вы сказали.

– Это я говорю сама с собой, – была вынуждена пояснить Ульяна. – Не обращайтесь внимания, Питер. И, ради всех святых, отвезите меня поскорее в Элбертон.

– Вы даже не хотите совершить коротенькую экскурсию по Гринвиллу? – с видимым огорчением спросил юноша. – Как жаль! Здесь так много инетерсного. Я мог бы вам показать...

– Как-нибудь в следующий раз, – едва сдержавшись, чтобы не повысить голос, сказала Ульяна. – А теперь в Элбертон. В гостиницу.

– В какую гостиницу? – не унимался словоохотливый водитель такси. – В Элбертоне их много. Конечно, не так много, как в Гринвилле...

– В любую, – сжав зубы, ответила Ульяна. – Пусть даже самую худшую. И вот еще что, Питер. Если я еще раз услышу от вас хоть одно слово о Гринвилле, то вы позавидуете грешникам из «Божественной комедии» вашего любимого Данте. Обещаю вам!

Питер Брокман наконец-то понял, что Ульяна не хочет с ним разговаривать. Всю дорогу до Элбертона он хранил молчание. Но Ульяна даже не пыталась оправдаться, переложив всю вину на Дэнди. Это он повел себя недостойно, напрасно обидев словоохотливого юношу. Ему и извиняться. Но на это было мало надежды. Ульяна это хорошо понимала, а потому даже не пыталась увещевать зловредного духа. Вместо этого она решила вознаградить Питера Брокмана щедрыми чаевыми. Ей кто-то говорил, кажется, Мила, что американцы лучше всего понимают язык денег. Вот пусть за нее и выскажется Бенджамин Франклин, изображенный на сто-долларовой купюре. Как два американца, они с Питером Брокманом, без всякого сомнения, найдут и общий язык, и общие темы для разговора.

Так и случилось. Высадив Ульяну перед отелем «The Samuel Elbert» и получив сто-долларовую банкноту сверх платы за проезд, Питер Брокман снова обрел хорошее расположение духа. И, уезжая, даже дал Ульяне свою визитку, на которой был указан номер его мобильного телефона.

– Звоните в любое время, – сказал он. И, смущенно улыбаясь, добавил: – Вы мне очень понравились, Ульяна. Вы такая красивая и начитанная! Очень редкое сочетание для женщины.

– Вот как? – вежливо удивилась Ульяна. Она уже начинала жалеть о своей щедрости, которая вызвала у юноши новый всплеск словоохотливости. До этого ей не часто приходилось выслушивать комплименты, стоя под палящим солнцем и обливаясь потом.

– Поверьте, я знаю, о чем говорю, – заверил ее Питер Брокман. И, чтобы не наговорить лишнего, поскорее уехал.

Проводив глазами его ярко-желтый автомобиль, Ульяна подхватила свою дорожную сумку и поспешила войти в прохладный вестибюль отеля, который, если верить рекламному проспекту, имел в каждом номере ванную комнату. Душ с прохладной, освежающей струей воды был ей сейчас жизненно необходим. За это поистине райское блаженство Ульяна в эту минуту могла бы отдать любое из своих двух платьев, которые она привезла из Москвы.

Глава 7

Контрастный душ, жалюзи на окнах, кондиционер и двуспальная кровать «Кинг-сайз» сотворили чудо. Уже через час Ульяна почувствовала прилив сил и желание исследовать достопримечательности Элбертона. Она спустилась в холл и подошла к стойке администратора. Еще на подходе ее ослепила белозубая улыбка чернокожей девушки-администратора, в сравнении с которой меркло даже палящее джорджийское солнце.

– Меня зовут Лэрри, – сказала она. – Могу я быть вам чем-то полезна?

Ульяна подумала, что родители не ошиблись, назвав дочь Лэрри, что означало «непоседа». Девушка почти пританцовывала, стоя за стойкой. Казалось, что даже черные кудряшки ее волос, осыпавшие голову правильной округлой формы, также двигаются в такт мелодии, которую никто, кроме самой Лэрри, не слышал.

– Скрижали Джорджии, – ответила, невольно улыбнувшись в ответ, Ульяна. – Как мне до них добраться? Это далеко от отеля?

– Пятнадцать километров, мисс, – радостно произнесла Лэрри. – Могу вызвать вам такси.

Ульяна невольно нахмурилась. Одна лишь мысль о необходимости еще одной поездки на каком-либо транспортном средстве испортила ей настроение. Только не сегодня, подумала она. И сразу почувствовала облегчение.

– А что еще можно посмотреть в вашем городке туристу? – спросила она, решив, что недолгая прогулка по городским улицам перед сном ей все-таки не помешает. – То, что интересно с точки зрения местного жителя.

Лэрри вопрос не поставил в тупик. По всей видимости, девушка выучила брошюру с туристическими маршрутами Элбертона наизусть и сейчас была рада показать свои знания.

– Городская площадь всего в одной минуте ходьбы от отеля, мисс, – затараторила она. – Там же находится здание окружного суда. В четырех минутах – Первая баптистская церковь. Туда обязательно стоит зайти, мисс. Скоро как раз начнется проповедь.

– А я-то все думаю, чего мне не хватает, – сказала Ульяна. – Точно, проповеди.

Скрытая в словах Ульяны ирония не ускользнула от тонкого слуха чернокожей девушки. Она подозрительно посмотрела на Ульяну и с тревогой спросила:

– Мисс, простите, но вы, случайно, не ведьма?

– Да вроде нет, – растерянно ответила Ульяна. – А что такое?

– Да с тех пор, как построили скрижали, ведьмы нам просто житья не дают, – пожаловалась Лэрри. – Приезжают отовсюду и говорят, что хотят просто посмотреть известный всему миру монумент. А сами настоящий шабаш там устраивают. Одна молодая ведьма как-то даже венчалась. Самый что ни на есть настоящий обряд венчания устроила, только ночью, под луной, в черном платье... Какое кощунство над святым таинством брака! Конечно, мы этого не стерпели...

Кэлли вдруг умолкла с растерянным видом, видимо, поняв, что сболтнула лишнего.

– А кто это мы, Лэрри? – поинтересовалась Ульяна. Ее журналистское чутье подсказало ей, что девушка невзначай приоткрыла завесу тайны, объясняющую, кто и зачем осквернил скрижали Джорджии.

– Мы? – переспросила Лэрри. Она явно сомневалась, стоит ли откровенничать дальше. Но, поощренная улыбкой Ульяны, все-таки решилась и гордо заявила: – Мы – это коренные жители города Элбертон, разумеется. Нам ведьмы с их обрядами здесь не нужны. Да и сами скрижали тоже. Наш пастор правильно говорит, что они построены для сатанинских языческих культов. И им не место в городе праведников, который населяют богобоязненные люди, желающие жить в ладу со своей совестью и религиозными убеждениями.

По всей видимости, юная Лэрри заучила наизусть не только туристический рекламный проспект, но и проповеди местного пастора, отрывки из которых, возможно, даже не понимая смысла, она повторяла с большим воодушевлением.

– И богобоязненные жители Элбертона, вдохновленные праведным гневом, залили скрижали полиуретановой краской, – сказала Ульяна. – Чтобы отвадить от города ведьм.

– Этого я не говорила, – испуганно запротестовала Лэрри. – Шериф округа сказал, что это преступление, за которое можно оказаться в тюрьме. Неужели вы думаете, мисс, что кто-нибудь из жителей города Элбертон способен на такое?

– Думаю, что нет, Кэлли, – с кошачьей вкрадчивостью ответила Ульяна. – А кто способен, ты не знаешь?

– Откуда мне знать? – с тоской посмотрела на нее девушка. Она, несомненно, уже жалела, что начала этот разговор. Но не решалась его прервать из опасения обидеть постояльца отеля и лишиться работы. – А вы бы лучше спросили у Питера, мисс. Ведь вы же с ним знакомы! Он больше меня знает об этом.

– Питер Брокман? – с удивлением произнесла Ульяна. – Водитель такси?

– Да, это он, – подтвердила Лэрри. – Питер очень хороший, богобоязненный юноша. Он скажет вам всю правду. И все объяснит, как надо. Он умный, не то, что я. Учится в университете в Гринвилле. А какой красивый! Да вы сами видели.

Лэрри явно была очарована юношей и могла говорить о нем долго, как сам Питер Брокман – о своем любимом Гринвилле. Поэтому Ульяна прекратила расспросы, поняв, что уже не сможет узнать от девушки ничего нового о скрижалях, а сведения о Питере Брокмане ее мало интересовали.

– Кэлли, я передумала, – сказала она. – Закажите мне такси. Я все-таки хочу посмотреть сегодня ваши джорджийские скрижали.

– Они не наши, мисс, – с достоинством ответила Лэрри, поднимая телефонную трубку. – Они принадлежат сатане.

Такси не заставило себя ждать, и уже через полчаса Ульяна была у скрижалей Джорджии. Еще издали она увидела гигантские каменные плиты, установленные одна возле другой, точно солдаты в строю. «А ведь это действительно армия, призванная начать войну на истребление с человечеством, – неожиданно подумала Ульяна. – Вернее, передовой отряд этой армии».

– И мне бы очень хотелось знать, где скрываются основные силы, – произнесла она вслух. – А, главное, сам верховный главно...

Ульяна осеклась, не договорив. На обочине дороги, ведущей к монументу, стоял автомобиль со статуэткой Spirit of Ecstasy на капоте. Несомненно, это был тот самый ролс ройс, который несколько дней тому назад она видела у стен Новодевичьего монастыря.

– Дежа вю какое-то, – хмыкнула Ульяна.

И почувствовала, как жаркая волна нежданной радости омыла ее сердце. Ульяна не сомневалась, что где-то неподалеку от автомобиля она увидит и его хозяина. Ее безумная надежда сбылась.

– Если только мне все это не снится, – прошептала она. И попросила водителя остановить такси сразу за ролс ройсом. Тот послушно исполнил ее просьбу. Значит, подумала Ульяна, выходя из такси, он тоже видит ролс ройс. И мне это действительно не чудится. Она знала, что одинаковые галлюцинации не бывают у двух людей сразу. Люди сходят с ума поодиночке.

– Вас подождать, мисс? – раздался за ее спиной голос водителя.

– Нет, спасибо, – ответила она, не оборачиваясь.

– А как вы доберетесь обратно? – с удивлением спросил таксист. Вероятно, он заподозрил худшее, потому что добавил: – Что-то метлы, на которой вы могли бы вернуться в отель, я не вижу.

– Я не ведьма, – успокоила его Ульяна. – Но я знакома с хозяином этого ролс ройса. И если он откажется доставить меня в отель... Что же, в таком случае мне уже будет все равно, даже если придется заночевать на одной из этих гранитных плит.

Она была совершенно искренней и говорила то, что думала. Водитель скептически хмыкнул, но не стал спорить и уехал. Это был пожилой мужчина, он повидал на своем веку немало, и давно уже понял, что если в голову женщины вкралась какая-то блажь, то спорить с ней бесполезно.

А Ульяна направилась к джорджийским скрижалям, построенным на вершине холма. Проходя рядом с ролс ройсом, она провела ладонью по статуэтке Spirit of Ecstasy, установленной на его капоте. Она все еще до конца не могла поверить, что происходящее не чудится ей. Но обжегший пальцы холод металлических крыльев окончательно убедил ее в реальности происходящего. Несмотря на жару, статуэтка была холодной, как лед. Но капот ролс ройса был горячим, двигатель не успел остыть. Следовательно, его хозяин приехал совсем недавно.

Скрижали Джорджии окружали густые заросли кустов, разросшиеся на половину человеческого роста. На фоне сине-голубого, без единого облачка, неба плиты из серого гранита, отбрасывающие тень одна на другую, казались слишком мрачными и словно настороженными. Трава вокруг монумента была вытоптана почти до земли тысячами ног туристов, образуя ровную коричнево-зеленую площадку. Однако сейчас ни поблизости, ни в отдалении не было видно ни одного человека. Ульяна не ожидала столпотворения, но и не думала, что окажется в одиночестве. Это было неожиданно.

И сразу возродились сомнения. Газетная статья о джорджийских скрижалях в забытой на скамейке газете и дата, написанная фломастером – все это показалось неубедительным. Неужели она ошиблась в своих предположениях? Наивная безмозглая дура! Размечталась, и сама же поверила в свои глупые мечты, убедилась...

Ульяна почувствовала разочарование, вызванное несбывшимися ожиданиями. Замедлила шаг. Едва не повернула обратно.

Однако, поднявшись чуть выше и обойдя кусты, она неожиданно заметила одинокую фигуру, неподвижно замершую возле гранитного монумента. Сердце Ульяны тревожно зачистило в груди. Ей показалось, что она узнает этого человека. Или ей просто хотелось, чтобы это был он. С такого расстояния, да еще со спины, было невозможно рассмотреть и понять, кто это.

Подойдя ближе, Ульяна увидела, что мужчина пытается разобрать надпись на китайском языке, почти скрытую густыми потеками краски, длинными черными языками растекшейся по камню.

Заслышав шаги за спиной, мужчина обернулся. Ульяна невольно радостно вскрикнула. Она не ошиблась, это был тот самый таинственный незнакомец, с которым они встретились в Новодевичьем монастыре. На этот раз мужчина держал шляпу в руке, и, несмотря на его привлекательную внешность и атлетическую фигуру, можно было увидеть, что он не так молод, как показалось Ульяне при первой встрече. С равной вероятностью ему могло быть и сорок лет, и пятьдесят, а, быть может, и больше. Но, как и раньше, она не обратила внимания на это, настолько ее поразили его черные глаза, в которых гасли даже солнечные лучи.

Мужчина молчал, пытливо глядя на нее, и после минутной паузы Ульяна сообразила, что ей придется начинать разговор самой, если она не хочет, чтобы он снова ушел.

– Жаль, что ничего нельзя прочитать, – произнесла она, кивая на надпись.

Он что-то произнес гортанно и резко, но, увидев, что Ульяна не поняла, повторил на русском языке:

– Здесь написано: «Найдите новый живой язык, способный всех объединить».

Только сейчас Ульяна сообразила, что от волнения заговорила с ним по-русски. А он сначала ответил ей на китайском языке – на том, на каком была сделана надпись.

– Вы знаете китайский? – спросила она удивленно.

– Я знаю все языки, выбитые на этих скрижалях, – ответил мужчина, очевидно, не придавая этому факту никакого значения.

– И даже древние? – поразилась Ульяна.

Мужчина, как ей показалось, несколько снисходительно посмотрел на нее и ответил:

– Я говорю на всех языках, существующих на планете, включая те, которые ученые называют мертвыми.

– Но ведь их более семи тысяч! – недоверчиво воскликнула Ульяна.

– Вы правы, их слишком много, – кивнул мужчина. – Впрочем, как и самих людей. Человеческую популяцию просто необходимо радикально сократить, а заодно разрушить всю промышленную инфраструктуру.

– Но зачем? – возмутилась Ульяна. – Неужели вы хотите вернуться в каменный век?

– Только так можно избежать гибели, которая угрожает планете из-за перенаселения, – ответил мужчина. – Сократите человеческую популяцию до полумиллиарда во всем мире – и просто будет недостаточно людей, чтобы вызвать грядущую экологическую катастрофу. Экологический кризис напрямую связан с последствиями демографического взрыва. И никак иначе.

По мнению Ульяны, ее собеседник говорил ужасные вещи. Но произносил он их с таким безразличным видом, что опровергать их казалось глупым. Это было все равно что затевать спор во время ничего не значащей светской беседы. Тебя выслушают, но сочтут бестактным или плохо воспитанным. И уж точно не будут с тобой спорить, а просто под любым предлогом отойдут в сторону, оставив тебя в одиночестве. Поэтому она только растерянно улыбнулась и сказала:

– Если вас это утешит, то количество живых языков стремительно сокращается. Если мне не изменяет память, со средней скоростью один язык в две недели.

– Но не носители этих языков, – с явным сожалением ответил мужчина. – Эти-то как раз плодятся, словно мухи. И каждый человек, который появляется на свет, вносит диспропорцию в окружающую среду. Я повторяю, народонаселение планеты должно быть сильно сокращено, и как можно быстрее, чтобы уменьшить ущерб, который люди наносят окружающей среде.

– Вы напоминаете мне одного человека, который как-то признался, что если бы он мог перевоплотиться, то хотел бы стать вирусом-убийцей, чтобы уменьшить человеческую популяцию, – сказала Ульяна.

– Кажется, я знаю его, – кивнул мужчина. – Однажды мы с ним даже долго разговаривали на эту тему. Мне понравились его мысли. Жаль, что пока в его руках нет власти, опираясь на которую он мог бы воплотить в жизнь свои идеи.

Ульяна не нашлась, что ответить. Несомненно, ее собеседник был очень умен. Рядом с ним она чувствовала себя глупой маленькой девочкой. Это было непривычно. Но впервые в жизни это ей даже нравилось.

Неожиданный порыв ветра принес прохладу, приятно освежающую в жаркий день. Ульяна с грустью подумала, что мужчина сейчас развернется и уйдет, как тогда, в Новодевичьем монастыре. Кому интересны женщины, имеющие свое мнение? Ей бы пора понимать это, в ее-то почти бальзаковском возрасте...

Однако, вопреки ее опасениям, мужчина не ушел, а помолчав, спросил:

– Кстати, а почему вас удивило мое знание языков? Ведь вы тоже говорите на нескольких, причем превосходно, как я успел понять еще во время нашей первой встречи.

Ульяна была поражена тем, как элегантно мужчина признался, что узнал ее.

– Только английский и испанский, – сказала она. – Но об этой малости не стоит даже говорить. В сравнении с вами я чувствую себя питекантропом, промежуточным звеном эволюции.

– Тогда давайте поговорим о том, почему вы меня преследуете, – предложил он. – Ведь наши встречи не случайны, правда?

– Нет, не правда, – воскликнула Ульяна. И тут же поправилась, понимая, что лучше сказать все как есть. – То есть правда только наполовину.

– Это как же?

– В Москве, в Новодевичьем монастыре, мы встретились совершенно случайно. Я о вас тогда даже не думала...

Заметив насмешливую искорку, промелькнувшую в черных глазах ее собеседника, Ульяна замолчала, сообразив, что от волнения сболтнула лишнего. И снова поразились, насколько он умен – понимает ее с полуслова.

– А в Элбертоне? – без тени насмешки в голосе спросил мужчина. – Тоже не думали?

– А в Элбертон я прилетела только затем, чтобы отдать вам вашу газету, – сказала Ульяна и, достав из маленькой сумочки, висевшей на плече, изрядно помятый номер «El Mundo», протянула его мужчине. – Вы забыли ее на скамейке в Новодевичьем монастыре.

Мужчина взял газету и увидел отчеркнутую красным фломастером статью о джорджийских скрижалях. Перевел взгляд на Ульяну и некоторое время как будто изучал ее. Ульяна почти физически ощущала, как его взгляд, медленно опускаясь, скользит по ее лицу, шее, груди, ногам, нигде не задерживаясь, словно ему было все одинаково интересно... или, вернее, безразлично. Она хорошо разбиралась в таких вещах. Это был взгляд не мужчины, а, скорее, оценщика в ломбарде.

– Явно не глупа, хороша собой, решительна, – произнес мужчина, как будто подводя неутешительный итог своего осмотра. – Но этого мало.

– Мало для чего? – упавшим голосом спросила Ульяна. Она чувствовала, что предательские слезы подступают к ее глазам. Все пошло не так, как она представляла в своих грезах. Совсем не так.

– Мало для того, чтобы заинтересовать меня собой, – сухо пояснил мужчина. – Ведь вы этого добивались, не правда ли? А иначе зачем вам было искать новой встречи со мной? Не затем же, чтобы вернуть мне старую измятую газету, не имеющую никакой ценности.

Ульяна хотела было возмутиться, но не смогла. Таинственный незнакомец был прав. Во всем прав. Он без труда разгадал Ульяну. Только обычно люди скрывают свои мысли, боясь обидеть другого человека или из каких-либо других побуждений, чаще всего недобрых. А он говорил все как есть. То, что думал. И это было непривычно. Обидно, без всякого сомнения, но даже интригующе.

– Заинтересовать? – переспросила Ульяна. – Легко! Было бы желание.

– Только помните, – при этих словах черные глаза мужчины вспыхнули, но сразу же погасли, как будто по ночному небу пролетела падающая звезда. И он негромко сказал по-испански, как показалось Ульяне, скорее себе, чем ей: – *Una vez que consigues lo que quieres, tienes algo que perder.*

– Когда получаешь то, что хочешь – тебе есть что терять, – тихо повторила она. Задумалась. Но после недолгого молчания решительно встряхнула копной рыжих волос, словно отгоняя прочь сомнения, и сказала: – Голову даю на отсечение, что вас интересует, кто мог надругаться над скрижалями Джорджии.

– Зачем мне ваша голова, – серьезно, словно он буквально воспринял слова Ульяны, сказал мужчина. – Но вы правы. Меня действительно это интересует.

– Почему-то это меня не удивляет, – заявила Ульяна. – Так вот, слушайте...

Неожиданно новый порыв прохладного ветра словно отрезвил ее. Ульяна почувствовала, что делает что-то не то. Ей расхотелось откровенничать с незнакомцем. И она решила перевести разговор в шутку. Но черные как смоль глаза мужчины не отпускали ее, завораживали, требовали ответа. Это было невозможно, но казалось, что они стали еще темнее. И этот мрак поглотил ее волю и сломил сопротивление.

И Ульяна покорно, словно под гипнозом, произнесла:

– Администратор отеля сказала мне, что об этом кое-что может знать Питер Брокман. Он студент Восточно-Каролинского университета в Гринвилле, а в свободное время подрабатывает водителем такси. У меня даже есть номер его мобильного телефона.

И, достав из сумочки визитную карточку, она протянула ее мужчине. Тот взял визитку, бросил на нее беглый взгляд и вернул ее Ульяне.

– Благодарю вас, – сухо произнес он. – Вы значительно сэкономили мое время. А оно очень дорого стоит, можете мне поверить. Я ваш должник. Но я не привык быть у кого-то в долгу. Я приглашаю вас на ужин. Сегодня вечером, если вы не возражаете.

– Впервые меня приглашает на ужин мужчина, имени которого я даже не знаю, – ответила Ульяна.

Она уже пришла в себя, но ничего не помнила, словно последние пять минут были стерты из ее памяти. Однако чувствовала себя так, словно очнулась после тягостного сна с больной головой и в препаршивом настроении. Почему-то она не испытывала радости от приглашения, от которого еще совсем недавно была бы на седьмом небе от счастья. В ее романтических грезах присутствовал и ужин. Но об этом она сейчас не хотела даже думать.

– О, простите меня, – галантно поклонился мужчина. – Меня зовут Анжело Месси. Наша встреча приятна мне.

– Ульяна Рускова, – слабо улыбнулась в ответ она. Ее рассмешил речевой оборот, который применил Анжело Месси. Никто из знакомых ей мужчин не сказал бы так. А между тем он прекрасно, без малейшего акцента, изъяснялся по-русски, как будто это был его родной язык.

– Странный вы человек, Анжело Месси, – произнесла она. – Я никак не могу вас понять.

– Человек? – повторил ее собеседник, словно пробуя слово на вкус. И поморщился, как будто надкусил незрелый лимон.

Впервые его голос прозвучал эмоционально. Ульяна бросила на него испытывающий взгляд, но было уже поздно. Лицо Анжело Месси снова стало непроницаемым.

– Мне пора ехать, Ульяна, – сказал он сухо. – Надо распорядиться, чтобы монумент привели в надлежащий вид. И если вас здесь ничто не задерживает...

– Ничего такого, чтобы брести потом полтора десятка километров под палящим солнцем до отеля, – заверила его Ульяна. – Так что я с благодарностью принимаю ваше предложение, Анжело.

Они в молчании дошли до ролс ройса. Здесь Ульяну ждал еще один сюрприз. Она думала, что в автомобиле они будут только вдвоем, но за рулем сидел какой-то мужчина в кепи с длинным козырьком и черных очках, надежно скрывающих его глаза. Ульяна могла бы поклясться, что раньше его не было, если только он не прятался за одной из гранитных плит. Но она предпочла промолчать. Ей было над чем подумать и без этого.

Анжело Месси сел рядом с водителем, предоставив ей заднее сиденье. За всю дорогу он не проронил ни слова. Ульяна была даже рада этому. Для первой встречи было сказано более чем достаточно. Главное, что она уже поняла – ей пока не удалось заинтересовать Анжело Месси собой как женщиной. Победу, которую она одержала, получив приглашение на ужин, скорее можно было назвать пирровой. Но не стоило отчаиваться или торопить события. Еще в юности, прочитав повесть Хемингуэя, она уверовала в принцип старого рыбака Сантьяго: человек создан не для того, чтобы терпеть поражения.

В конце концов, впереди у нее был целый вечер. И оставалось еще время, чтобы встретить его во всеоружии.

Глава 8

Высадив Ульяну у отеля, Анжело Мессе велел водителю ехать в офис строительной фирмы «Granite Company Ltd».

– Надеюсь, мой старый добрый друг Джон Фридом еще жив, – сказал он. – Это избавит меня от лишних объяснений.

И, ни к кому не обращаясь, словно размышляя вслух, добавил:

– Никак не могу привыкнуть к скоротечности человеческой жизни...

Джон Фридом был жив и, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, все еще работал в компании, но уже в должности вице-президента. Об этом Анжело Мессе сказала его секретарь. Но он занят, и едва ли сегодня сможет принять неожиданного посетителя. Тем более, что он даже не знает его. Имя «Angelo Messi», отпечатанное на визитке, которую она передала вице-президенту, ничего ему не сказала.

Произнеся это, девушка с нескрываемой насмешкой взглянула на Анжело Мессе. Он ей сразу не понравился. Надменный сноб, который явно интересуется только мужчинами. Иначе он не смотрел бы с таким равнодушием на ее ноги. Коротенькие шорты, которые она сегодня одела, сославшись на жару, ничего не скрывали и скорее напоминали фиговый листок, чем полноценный предмет туалета. Это было крайне рискованно, учитывая провинциальные нравы Элбертона, но ее босс, Джон Фридом, не протестовал. А поскольку именно он выплачивал ей зарплату, мнение остальных жителей города ее не интересовало.

Анжело Мессе не стал спорить с молоденькой дурочкой, как он мысленно окрестил секретаря Джона Фридома. Вместо этого он прошел мимо нее, не удостоив даже взглядом, и открыл дверь в кабинет вице-президента, который в эту самую минуту размышлял о том, что, пожалуй, надо сказать Джейн, чтобы она приходила на работу в более скромном одеянии. Ведь люди завистливы и болтливы, слухи о фривольном наряде его секретаря могут дойти до его жены Маргарет. Разумеется, Маргарет не устроит скандала, она доверяет своему мужу, с которым прожила не один десяток лет, но неприятный осадок в ее душе может остаться. А ему бы не хотелось ее огорчать, тем более что о своих подозрениях она может рассказать в церкви, куда ходит каждое воскресенье, а это вольно или невольно бросит тень на его, Джона Фридома, доброе имя. И как тогда он будет смотреть в глаза всех остальных прихожан? Он, отец троих детей и семерых внуков, человек с доселе кристально чистой репутацией...

Размеренное течение мыслей Джона Фридома нарушило внезапное появление незнакомого мужчины, за спиной которого металась растерянная Джейн.

– Тем более, что позабавиться с малышкой Джейн можно и не привлекая внимания Маргарет.

Это сказал незнакомец или подумал он сам? Джон Фридом так и не успел этого понять. Потому что, увидев Анжело Мессе, он сразу его вспомнил. Невозможно было забыть эти черные, как смоль, глаза, проникающие тебе в душу и буквально выворачивающие ее наизнанку. И этот профиль хищной птицы, от одного взгляда на который человека пронизывает дрожь.

Джон Фридом, изрядно постаревший и значительно потолстевший с того дня, когда они в последний раз встречались, снова, как много лет тому назад, испытал гнетущее чувство страха. Единственная мысль, которая сейчас билась в его голове, словно попавшая в мышеловку мышь, была проклятием. Джон Фридом клял на чем свет стоит джорджийские скрижали, из-за которых он некогда свел короткое знакомство с Анжело Мессе.

– Вот и хорошо, что вы меня вспомнили, Джон, – заметив, что вице-президент его узнал, сухо сказал Анжело Мессе. – А то я уже начинал беспокоиться. Скажите вашему секретарю, чтобы она вышла. У меня к вам конфиденциальный разговор.

Джон Фридом обреченно махнул рукой, и Джейн ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Она была ошеломлена, увидев, какое впечатление посетитель произвел на ее босса. Джейн никогда еще не видела его таким взволнованным и... Она не сразу нашла нужное слово. Но потом, когда это слово всплыло в ее памяти, она не поверила самой себе. Потому что это слово было «перепуганным». До сих пор она и представить себе не могла, что ее босс, огромный, словно гора, мужчина, может кого-нибудь бояться, кроме, разумеется, своей жены Маргарет. Думая об этом, Джейн испытывала такое чувство, будто ее маленький мирок рушился у нее на глазах...

– Вот уж не думал, что когда-нибудь снова увижу вас, – признался Джон Фридом, старательно отводя свой взгляд от черных глаз посетителя.

– Я тоже, – сухо произнес Анжело Месси, опускаясь в кресло, стоявшее напротив массивного стола, за которым восседал хозяин кабинета. – Но поскольку «Granite Company Ltd» не выполняет условия нашего контракта, мне пришлось навестить вас.

Джон Фридом с удивлением и даже с возмущением посмотрел на него.

– Что за чепуха! – воскликнул он. – Никто и никогда не мог обвинить нашу компанию в том, что...

– Значит, я буду первым, – перебил его Анжело Месси, не повышая голоса. – Позвольте узнать, вы внимательно читали контракт, который мы подписали с вашей компанией, когда договорились о строительстве монумента? Или вы в своем экземпляре упустили пункт, предписывающий «Granite Company Ltd» исправлять все повреждения, которые монументу могут быть нанесены, в течение двадцати четырех часов и ни одной минутой позже?

Джон Фридом виновато опустил голову под обвиняющим взглядом посетителя.

– Когда подписывался контракт, мы не учли, что компания может быть загружена заказами на год вперед, – произнес он, запинаясь. – Поэтому, как только мы узнали об акте вандализма, то сразу провели совещание и приняли решение. Не пройдет и трех-четырёх месяцев...

– Нас это не устраивает, – снова не дослушал его Анжело Месси. – Три или четыре месяца – это слишком долго. И это нарушение контракта. Мы обратимся в суд и разорим вашу компанию. А вас лично, Джон, я пушу по миру со всем вашим многочисленным семейством. Вы будете просить милостыню на улицах Элбертона, но никто из жителей города не подаст вам ни цента.

– Постойте! – взмолился Джон Фридом.

Он не сомневался, что Анжело Месси исполнит свое обещание. И проклинал сейчас в душе свою жену Маргарет, которая убедила его нарушить контракт, ссылаясь на то, что Джорджийские скрижали построены для сатанинских языческих культов, и потому верному приверженцу баптистской церкви, которым он, Джон Фридом, является, не годится прислуживать сатане, отдавая распоряжение стереть следы краски, залившей богопротивные надписи.

– Ты только вдумайся, Джон, к чему призывают эти надписи! – возмущенно восклицала она. – Поддерживать численность населения Земли в пределах пятисот миллионов человек! Это что значит? Отправить на небеса наших дорогих Мэри, Джорджа и Анабель, а также их детишек, не дожидаясь, пока их призовет к себе Отец наш Всевышний? А, может быть, нам и самим туда срочно переселиться, совершив смертный грех самоубийства? Ты этого хочешь?

Джон Фридом честно отвечал, что о таком он даже и не помышляет.

– Тогда ты должен не ремонтировать богопротивные скрижали, а отдать приказ сравнять их с землей, – решительно заявляла Маргарет. – Но если ты на такое не способен, Джон, то давай мы будем хотя бы молиться за тех праведных людей, не нам чета, которые не побоялись восстать против сатаны!

И они действительно сходили в ближайшее воскресенье в церковь и помолились за тех, кто залил краской джорджийские скрижали. Джон Фридом заметил, что в этот день в церкви было многолюдно, как никогда, и многие прихожане молились с невиданным пылом, скрывая друг от друга, кого они поминают в своих молитвах. Это было необыкновенно трогательно.

Когда они с Маргарет вспоминали об этом по возвращении домой, то даже прослезились. А вечером, стыдливо краснея и недоговаривая, даже призвали своих детей, которые пришли к ним, как обычно в воскресный вечер, на ужин, подарить им еще с десятков внуков и внучек к вящей славе Господней...

Но все это казалось хорошо и правильным дома, рядом с Маргарет, детьми и внуками. А сейчас, оставшись с глаза на глаз с таинственным Анжело Мессе, заказчиком монумента, Джон Фридом испытывал поистине адские муки. Он понимал, что привел компанию, в которой проработал всю жизнь, на край финансовой пропасти, не говоря уже о том, что поставил крест на своем собственном будущем. Если компания разорится, то пострадает и он, Джон Фридом, с него взыщут за то, что он пренебрег условиями, прописанными в контракте. И будут совершенно правы.

Только в эту минуту Джон Фридом осознал, что он натворил, идя на поводу у жены. Он был готов упасть перед Анжело Мессе на колени, лишь бы тот простил его и дал шанс исправить ситуацию. По жирному лицу Джона Фридом стекал пот, смешиваясь со слезами, которые невольно струились из его крошечных заплывших глазок. Он пытался что-то сказать, но только шлепал губами, а изо рта вырывались нечленораздельные звуки.

Анжело Мессе равнодушно взирал на эту агонию человеческого духа. Наконец ему надоело, и он сказал:

– Хорошо, пусть будет по-вашему, Джон. Я забуду о вашей оплошности. Но при одном условии. «Granite Company Ltd» в течение ближайших двадцати четырех часов исправит все повреждения, нанесенные монументу. По рукам?

– Обещаю, – заверил его Джон Фридом, который от радости, что так дешево отделался, обрел, наконец, дар речи. – Богом клянусь!

– Ну, это уже лишнее, – сказал Анжело Мессе. – Не богохульствуйте, Джон. Вполне достаточно, если вы подпишете кровью.

И, после паузы, глядя на ошеломленное лицо толстяка, он без тени улыбки произнес:

– Не пугайтесь, Джон. Это была шутка.

Джон Фридом с облегчением шумно выдохнул воздух и даже попытался засмеяться. Но у него ничего не вышло. Вместо смеха из его пересохшего горла вырвался только громкий всхлип.

Но Анжело Мессе уже не видел и не слышал этого. Он прошел через приемную, не заметив забившуюся в угол Джейн, спустился по лестнице и вышел из здания на улицу, где его дожидался ролс ройс. Он чувствовал усталость. Телепатическое воздействие на людей, к которому он изредка прибегал в общении с ними, чтобы получить желаемое, сильно изматывало его. Ему требовался отдых.

Он сел на заднее сиденье автомобиля и, ощутив слабый запах человека, с шумом втянул воздух своим носом, похожим на клюв хищной птицы. Это был запах Ульяны, смесь пота и косметических средств, которыми умащают себя человеческие существа, чтобы привлечь особей противоположного пола или скрыть собственное отвратительное зловоние, которое они источают. Окна автомобиля были закрыты, и он еще не выветрился из салона. Обычно Анжело Мессе оставался равнодушен к женщинам человеческой расы, они не волновали его ни своим недалеким умом, ни несовершенным дряблым телом. Но Ульяна неожиданно заинтересовала его. И он хотел понять чем. Именно поэтому он и пригласил ее на ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.